Иван Данилов

Фанаты фальшивой идеи

УДК 94(100)”1939/1945”
ББК 63.3(0)62
Д18

Данилов, И. П.

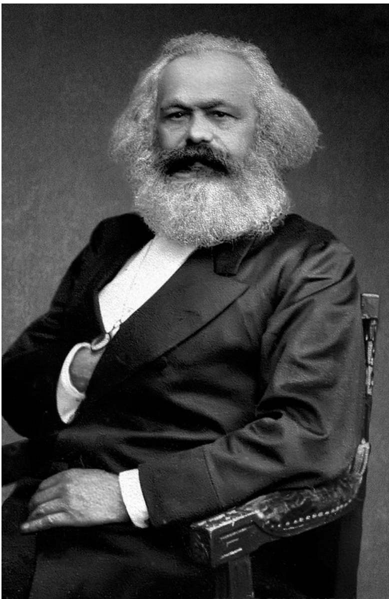
Д18 Фанаты фальшивой идеи / Иван Данилов. – Минск, 2021. – 64 с.

Могли ли главные герои этой книги знать, что марксистская теория действительно фальшивая? Если заблуждались простые рабочие и крестьяне, то почему поверили в эту фальшь люди просвещенные, видные политические и общественные деятели, которые тоже были уверены, что Советский Союз представляет собой государство рабочих и крестьян. Каково же было их разочарование, когда они столкнулись с советской действительностью. Об этом и о других аспектах жизни в довоенной Польше рассказывается в этой книге. Для широкого круга читателей.

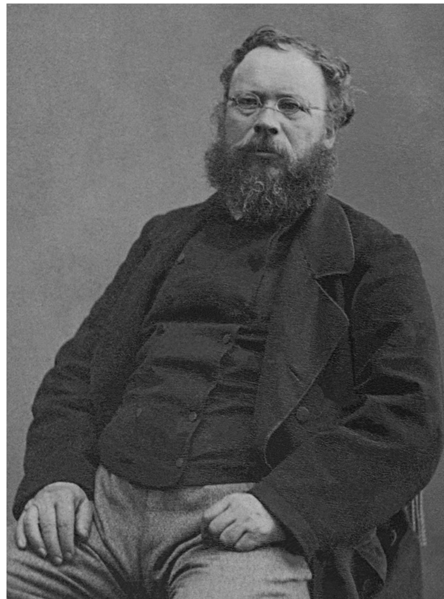
УДК 94(100)”1939/1945”
ББК 63.3(0)62

Глава 1.

История фальшивой идеи. В 1846 г. вышел важнейший политический и экономический трактат французского ученого Прудона (1809-1865), в котором дано обоснование его учения: *«Система экономических противоречий, или философия нищеты». (Systeme des contradictions ou philosophie de la misere).* Этот труд оказался пророческим, т. к. содержал не только глубокую критику капиталистического строя, но и разоблачал многие ошибочные учения, в том числе и учение Маркса о неизбежности гибели буржуазного строя в результате революционного насилия и замены его якобы более передовым коммунистическим строем. Помните Марксово выражение: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»? Прудон-реформист отделял себя от коммунистического радикализма. А мы, в свою очередь, зададимся вопросом, каким талантливым надо быть аналитиком, чтобы иметь основание назвать учение тогдашних эко-

Карл Маркс

Пьер Жозеф Прудон

номистов (А. Смита, Рикардо и др.), включая и учение начинающего, как специалиста в этой области, Маркса, ёмкой фразой: «Философия нищеты». По каким основным критериям Прудон дал такую оценку философским измышлениям своих оппонентов, мы можем только догадываться, так как труд этого ученого до сих пор не переведен на русский язык. Ни в одной библиотеке г. Минска вы не найдете этой работы. Казалось бы, после распада Советского Союза и всего социалистического лагеря в результате несостоятельности экономической политики, построенной на основе марксизма-ленинизма, впору пересмотреть и отношение к учению Прудона.

Подводя итог сказанному, мы должны отметить, что, несмотря на более, чем полуторавековую давность, труд Пьера Прудона «Философия нищеты» не потерял своей актуальности и в наши дни, так как он разоблачает тот ошибочный путь, по которому российские марксисты, совершившие государственный переворот в октябре 1917 г. и повели Россию, ввергнув ее в страшную катастрофу гражданской войны. Обвиняя в этом перевороте Ленина и его большевистских сторонников, мы должны подчеркнуть, что марксизмом были заражены многие представители русской интеллигенции. Марксистские кружки существовали по всей России, даже в духовных семинариях. А ведь еще Бисмарк предупреждал: «Этот бухгалтер (так он именовал Маркса) не совсем безобидный. Надо только найти такую страну, где бы реализовались его идеи». И такая страна нашлась. Ею оказалась несчастная Россия.

Почему русская интеллигенция и другие социальные слои тогдашней России стали сторонниками насильственного, революционного изменения российского общества, указанного Марксом, а не эволюционного, реформистского, предлагаемого Прудоном, – остается загадкой. Почему эти люди, владевшие французским языком и знакомые с учением Прудона, не задумались над его пророческими словами: «Я считаю, что для успеха этого (переустройства общества) не нужно и, следовательно, мы не должны рассматривать революционное действие как средство социальной реформы, так как

это – мнимое средство, которое было бы призывом к применению силы, произволу... Я предпочитаю сжечь институт собственности на медленном огне, чем придать ему новую силу, устроив варфоломеевскую ночь для собственников». А ведь именно это и случилось в ходе октябрьского переворота в 1917 г. и гражданской войны в России.

«Зеркало русской революции». В связи с вышеуказанным для нас представляет интерес социальные и политические взгляды Льва Николаевича Толстого, зеркально отражавшие тогдашние взгляды русской интеллигенции, отдавшей предпочтение из-за своих сарматских (полуазиатских) особенностей радикальному марксизму вместо эволюционному учению Прудона. В 1858 г. Л. Н. Толстой, изучая постановку школьного образования в Западной Европе, посещает Францию и лично знакомится с Прудоном, но не воспринимает его учения, как и всей западной культуры и цивилизации. За это он так полюбился русским большевикам и лично Ленину. Не зря Томас Манн в своей книге «Гёте и Толстой» выразился так: Великий человек (талант) несчастье для нации».

Глава 2.

Название *«Фанаты фальшивой идеи»* придумано не мной. Оно родилось при совместном обсуждении тех давних событий в довоенной Польше, связанных с деятельностью КПЗБ. Мой собеседник, Искрик Владимир Михайлович, с которым я познакомился давно (мой троюродный племянник, Кивель Володя, был женат на его дочери). В молодой семье уже было двое детей школьного возраста, когда они развелись. Но наши приятельские отношения с Владимиром Михайловичем сохранились. Оба мы – западные белорусы, я из Брестской, а он и из Гродненской области, бывший житель деревни Бояры Слонимского района. Владимир Михайлович родился

в 1942 году, т. е. тогда, когда я уже воевал в составе партизанского отряда им. Калинина Пинского соединения. Но в жизни наших семейств было много общего, связанного с фанатичной верой моего отца и его деда и отца, членов КПЗБ, в идеалы коммунизма, которые на поверку оказались фальшивкой и причинили много горя нашим родным. Подобно моему отцу в его семье никто не верил польским газетам, которые писали о страшном голодоморе в Украине и на Кубани, о нищете колхозной жизни и о массовой депортации крестьян на Соловки и в северные районы Сибири на верную гибель от холода и голода. И вот я задаюсь вопросом, почему в 30-е годы прошлого столетия, когда коммунизм в СССР полностью обанкротился и породил массовый террор и нищенское существование основной массы советских людей, на Западе продолжали верить в его обманчивые идеалы? И если в далекой Испании (в феврале) и во Франции (в мае) 1936 года усилиями Коминтерна победу одержали Народные фронты, что свидетельствует о значительном влиянии тогдашних коммунистов на политические события в этих странах, то почему на территории Западной Беларуси и Западной Украины КПЗБ и КПЗУ продолжали пользоваться у местного населения определенной поддержкой? Ведь знали же, например, жители моей деревни не только из польских газет, но и от тех редких перебежчиков из Восточной Украины о том, что твориться по другую сторону советско-польской границы. И, тем не менее, многие продолжали верить в «коммунистический рай».

Но это уже из области управления человеческим сознанием, точнее, из области психологии модуляции поведенческих реакций отдельного человека и массы людей. Не зря же у тоталитарных режимов была развернута такая мощная система агитации и пропаганды. И не только у них. Манипуляция общественным мнением через средства массовой информации в той или иной степени происходит почти повсеместно и в наши дни. Но если министерству агитации и пропаганды Германии (знаменитому ведомству Геббельса) было чем похвалиться: польские довоенные газеты писали об экономи-

ческих успехах Германии после прихода к власти Гитлера. И это не были пустые слова. Любой польский безработный мог съездить на заработки в Рейх и убедиться, что в этой стране не только ликвидирована безработица, но и требовался труд иностранных наемных рабочих. И самое главное: по мере роста экономики материальное положение простых немецких граждан стало достаточно высоким. В Германии не стало пролетариев! И Коминтерновский лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» потерял в этой стране актуальность. Не по этой ли причине довольно сильная и массовая немецкая компартия начала быстро таять? А те из моих земляков, которые съездили в Германию на заработки, привозили оттуда швейную машину «Singer» или другую техническую новинку и рассказывали много положительного об условиях жизни в этой стране.

В результате каких социальных и политических мер гитлеровская Германия достигла высоких экономических показателей, а СССР, наоборот, превратился в страну полуголодных людей, я написал в книге «Забытые уроки истории», 2010 г. Но что удивительно, несмотря на все вышеуказанные экономические просчеты и политические преступления, о которых писали польские газеты (голодомор, террор, депортация), Советский Союз по-прежнему оставался страной привлекательной для большинства жителей Западной Беларуси, а для моего отца он был страной его мечты. Поэтому он отказался выехать в Америку по вызову моего покойного деда, маминого отца, в 1924 г., или эмигрировать в Бразилию в 1935 году, куда уехало три семьи из нашей деревни, и моя мать уговаривала его последовать их примеру. (О событиях того времени я подробно написал в книге «Записки западного белоруса»).

1936 год. Он мне запомнился как год самой активной деятельности КПЗБ. Мне 12 лет и я уже полноценный помощник моему отцу в его хозяйственных делах. Он часто берет меня с собой в поле. Наш участок пахотной земли, называемый «Клин», тесно примыкал к земельным угодьям соседней деревни Язвины. В этой деревне не проводилось разделение земли по хуторам, поэтому на узких по-

лосках земли в страду и даже в другое летнее время копошилось одновременно много людей. Полоска земли Максима Ордашевского, секретаря комячейки КПЗБ, находилась недалеко от нашего участка. Как он договаривался встретиться с моим отцом, мне не известно. Но как только мы приезжали на свой участок, вскоре появлялся Максим. Он старался прийти незамеченным, (что не всегда ему удавалось) и сразу садился в старом, заросшем травой, мелиоративном канале, который проходил мимо нашего участка. Отец в это время поручал мне определенную работу с лошадью, а сам уходил к своему «партийному начальству». И хотя многие в деревне Язвины знали, что Максим Ордашевский, бывший политзаключенный и секретарь комячейки КПЗБ, встречается с моим отцом и не просто так, а передает тому листовки, моего отца ни разу не арестовали. А для него в 1936 году наступил самый ответственный период подпольной работы. Он разносил по соседним деревням листовки Коминтерна, в которых печатались призывы и условия вступления молодых мужчин, прошедших военную службу в польской армии, в интернациональные бригады для отправки в Испанию. Отец выполнял эту работу, как мне представлялось, охотно, с чувством выполненного долга. Он еще не знал, что вскоре компартия Польши и ее филиалы КПЗБ и КПЗУ будут распущены по приказу Сталина. О том, какое он пережил моральное разочарование после встречи Красной армии в сентябре 1939 года, увидев голодных красноармейцев и заморенных тощих колхозных коней, мобилизованных для «освободительного» похода, я писал ранее.

А как же складывалась судьба семьи В. М. Искрик? Дед Рыгор и два его брата: Максим и Михаил вместе с семьями оказались в 1914 г. в беженцах в Калужской области. В семье деда Рыгора (1880-1939) в то время было четверо детей и все они в 1921 г. вернулись на родину. Дед Рыгор и его старший сын Николай там, в беженцах после октябрьского переворота стали коммунистами. Сам Рыгор Рыгорович работал секретарем поселкового совета Людиново Калужской области. Перед возвращением на родину, по словам Владимира

Михайловича, дед Рыгор и дядя Николай якобы получили задание создать в деревне Бояры комячейку КПЗБ. В этом им помогал некто Гурский из Слонима, перед которым они отчитывались, как перед куратором. Вскоре Николай оставил родные места и вернулся в СССР. Было известно, что в Москве он стал комиссаром ВЧК-НКВД высокого ранга. Брат деда Рыгора, Максим, воевал в составе чапаевской дивизии, а после демобилизации окончил экономический факультет Самарского университета и перебрался в Москву. Работал в Комиссариате внешней торговли в отделе «Землячки» (Залкинд Розалия Самойловна).

Наступил 1937 год. Советский Союз пережил коллективизацию, страшный голодомор, аресты и массовую депортацию крестьянства в северные лагеря Сибири, которые проводились при активном участии органов ГПУ-НКВД. Настало время заметать следы этих преступлений и расправы над теми, кто их чинил. Комиссара Искрика Николая Рыгорьевича приговаривают к расстрелу. А его родного дядю, экономиста Искрика Николая, – к ссылке в Алма-Ату.

Пришел долгожданный 1939-й, год «освободительного» похода Красной армии в Западную Беларусь и Украину. Но что увидели и узнали от простых красноармейцев-колхозников, мобилизованных на войну, обманутые и зомбированные активисты КПЗБ? О моральных переживаниях и разочарованиях своего отца я писал ранее. А вот дед Рыгор после встречи с Красной армией пришел домой грустный и в кругу своей семьи и в присутствии своего двоюродного брата заявил: «Пришли не те Советы». То есть не те, которых он помнил еще с 1921 г. Сталин успел за эти годы развратить нравственно страну и низвести ее до полуголодного существования. А солдаты «освободительной» армии забегали в дома западных крестьян и просили хлеба и кусочек сала, чему я сам был свидетелем.

Но самое трудное испытание ждало деда Рыгора впереди. В конце 1939 года местная власть и комбедовцы объявили упорядоченное и ухоженное его хозяйство «кулацким». Такого испытания он не выдержал: слег и в том же году скончался. Сердце не выдержало. Он не

мог понять, почему его любимая советская власть так с ним поступила? Ведь сам он и его дети (младший сын Яков родился в 1922 г. после возвращения из беженцев) были либо членами КПЗБ, либо ее сторонниками. А его старшая дочь Вера (1902-1975), будучи подпольной комсомолкой, а потом членом КПЗБ, выполняла поручения самого Притыцкого. О Притыцком члены семьи Искрик отзываются только положительно. Он помог той же Вере (колхознице) получить на склоне лет персональную пенсию. Недавно я прочел о том, что корреспондент газеты «Народная воля» пыталась взять интервью у дочери Притыцкого и получила отказ. Какие тайны скрывает семья этого заслуженного человека? В. М. Искрик полагает, что «С. И. Притыцкий – честный человек, но он был такой же фанатик и жертва фальшивой идеи». И, возможно, в нем сохранялось еще что-то от идей христианства, не искорененных у западных белорусов в такой степени, как на востоке страны? Приведу пример. В газете «АиФ» № 8 за 2011 г. помещена интересная статья: «XX съезд: взгляд из XXI в. События 55-летней давности глазами потомков Хрущева и Сталина». Сергей Хрущев, сын Никиты Сергеевича, о тех собы-

тиях выразился так: «*Отец считал поклонение Сталину проявлением рабской составляющей человеческой сущности. Выступив на XX съезде, он попытался снять пелену с людских глаз, но без особого успеха. Пока люди внутренне ощущают себя рабами, их не вытянуть из рабства даже за уши*». Далее Сергей Никитич задается вопросом, не правы ли китайцы, сохранившие культ Мао Цзедуна, преступника покровавее Сталина? И отвечает, что *«Отец действовал не по логике, а по велению сердца.* ***В этом было что-то идущее от идей христианства,*** *хотя он до последних дней оставался человеком неверующим».* Само собой понятно, что внук Сталина, Евгений Джугашвили, оправдывал кровавые преступления своего деда «победой СССР над немецким фашизмом». Весьма странная логика Е. Джугашвили, не правда ли?

Загадочный гость. В 1961 году к Вере и Алёне, которые жили вместе, явился мужчина, примерно их возраста и объявил, что он их родной брат Николай. Он сказал, что его, приговоренного к расстрелу в 1937 году, спасли друзья-чекисты и он под другим именем скрывался все эти годы. Вере было 19 лет, а Алёне только 13, когда Николай покинул деревню Бояры. Вера была старшей в семье и по некоторым приметам признала в нем своего брата. Но собралась вся родня и самый младший брат Яков, тогдашний работник МГБ в Слониме навел справки, что их брат Николай был незаслуженно репрессирован и якобы действительно расстрелян в 1937 г. Так ли это?

Нельзя верить такому автору как Григорий Климов. Но в его книге «Протоколы советских мудрецов» (1995 г.) есть одна важная ссылка о том, что в период большой «Чистки» многие чекисты, исполнители расстрельных приказов, думая о грядущей своей судьбе, имитировали эти расстрелы и отпускали своих коллег, которые с помощью заранее подготовленных подложных документов исчезали и растворялись в обществе. Важным условием такой имитации был абсолютный запрет появляться когда-нибудь в родных местах. Яков, родившийся в 1922 г. и никогда не видевший своего старшего брата, мог доверять только старшей сестре Вере. И, тем не менее, именно

он, вопреки просьбам своих сестер, настоял на том, чтобы Николай немедленно покинул родные места. Почему он так поступил? Ведь в период правления Хрущева уже был давно разоблачен культ личности Сталина? С таким вопросом я обратился к Владимиру Михайловичу Искрику, который в то время был студентом Белгосуниверситета и со своим дядей Николаем не мог встретиться. С ним не успел встретиться и его отец, Михаил, отсутствовавший на тот момент в деревне. Вот что он ответил: «В то время еще были в силе строгие чекистские законы. Вся родня осудила поспешную реакцию Якова, который буквально «вытолкнул» брата из родной хаты. Да и родной хаты, как таковой не осталось, Ее сожгли в войну. Сестры ютились в переоборудованном под жилье прежнем амбаре их отца Рыгора. Так советская власть «наградила» тех, кто ей верно служил в составе КПЗБ и в партизанском движении в период немецкой оккупации». Алена, по словам Владимира Михайловича, собирала в 1941 г. оружие, брошенное в панике бегущей Красной армией, и прятала его под камнями на меже их хутора. «Оружия хватило, чуть ли не на весь партизанский отряд», заявил мой собеседник.

Можно предположить, что Николай (если это действительно был он), уже не молодой человек, увидев убогую жизнь своих сестер и совсем не богатое хозяйство брата Михаила, еще раз разочаровался в той прежней идее, которой он служил смолоду и по вине которой сам чуть не получил пулю в затылок. Чувствуя (а, точнее, зная) и свою собственную вину за службу в советских карательных органах, он решил немедленно и навсегда покинуть родные места, распрощавшись со своей революционной молодостью. С подобными моими сентенциями согласился и В. М. Искрик.

Встреча с польским прокурором *(рассказ отца В. М.).* И Веру, и Михаила, и Алену, бывших политзаключенных, польские власти часто подвергали превентивному кратковременному заключению (задержанию в полицейском участке) на 2-3 дня перед 1 мая и 7 ноября. В эти дни активисты КПЗБ обычно готовили по заданию

Коминтерна какие-нибудь «революционные» акции в виде вывешивания красных флагов и расклеивания в людных местах антипольских листовок. Эти провокационные выходки активистов КПЗБ мне хорошо известны. Толку от них было мало, но полицию такие действия дразнили. Попробовали бы они (эти фанаты) нечто подобное совершить по другую сторону советско-польской границы? Их «превентивное» заключение длилось бы не 2-3 дня, а гораздо дольше, если не всю оставшуюся жизнь. Правда, эта жизнь в советском ГУЛАГе проходила по сокращенному графику. В нем они быстро превращались в «лагерную пыль» (выражение самого Лаврентия Берия). Тут уместно указать, что в примитивных сталинских концлагерях советские чекисты для массовой гибели своих жертв не нуждались в технических «новинках» (газовых камерах). Большинство заключенных долго не выдерживало изнурительного труда, холода и голода. Но продолжим наш рассказ. В 1936 году, при очередном превентивном задержании Искрика Михаила, его доставили в Новогрудок (при Польше он был центром воеводства) в воеводскую прокуратуру. В кабинете прокурора состоялся следующий разговор. Прокурор: «Пан Михал, с кем вы связались и чем вы только занимаетесь? У вас с отцом неплохое хозяйство. Польше нужны хорошие хозяева, а не бездельники. Что у вас общего с теми лайдаками, которые не хотят работать и пропивают свое имущество?» Михаил: «Пан прокурор, у многих крестьян мало земли, они бедные и им нечего пропивать. За принадлежность к Громаде меня дважды судили и теперь снова задержали». Прокурор: «Я отдам распоряжение полиции, чтобы вас больше не задерживали. Но если полиция заметит за вами снова какой-либо политический проступок, то будете задержаны не на три дня, а, как минимум, на семь лет в тюрьме строгого режима. А сейчас вы свободны и можете отправляться домой».

По рассказу Владимира Михайловича, его отец после встречи с прокурором, действительно, остепенился (сбавил свою «революционную» активность). За год до этого он женился и в течение оставшихся трех лет до начала войны в 1939 г. не подвергался пре-

следованиям полиции. Прокурор сдержал свое слово. Что же касается Веры, сестры Михаила, то она продолжала распространять антипольские листовки, и 1 сентября 1939-го была интернирована в тюрьму Картуз-Березы, из которой вернулась после 17 сентября.

«Показательный» колхоз. В начале 1940 г. бывшие активисты КПЗБ организовали первый в Слонимском районе колхоз с центром в деревне Чемеры, к которой примыкала небольшая деревня Бояры. Райком партии почему-то предложил избрать председателем колхоза не местного коммуниста, а приезжего «специалиста» из Восточной Беларуси. Михаилу предложили должность бригадира в деревне Бояры. Но «показательный» колхоз оказался вовсе не показательным. Хозяйственные дела быстро приходили в упадок. Подобную ситуацию мне довелось наблюдать в соседней деревне Язвины, где также был организован такой же «показательный» колхоз в Дрогичинском районе, в котором лошади за зиму так отощали, что стали непригодными для работы весной. Об этом подробно написано мной в книге «Записки западного белоруса».

В колхозе Чемеры-Бояры Слонимского района дела шли также плохо. Приезжий «специалист», к тому же выпивоха, стал обвинять местных бригадиров в саботаже. Он почему-то взъелся на Михаила, хозяйство которого до коллективизации было чуть ли не образцовым. Будучи человеком несдержанным, Михаил позволял себе указывать новому председателю на те или другие промахи в ведении хозяйства. Куратором нового колхоза райком партии назначил районного прокурора, с помощью которого было состряпано уголовное дело на бригадира Михаила Искрика. Парадокс заключается в том, что бывшего активиста КПЗБ обвинили в «антисоветской агитации» и в начале 1941 года осудили на семь лет тюремного заключения. По счастливой случайности его не успели из Слонимской тюрьмы этапировать на восток в ГУЛАГ, и в июне 41-го он вернулся домой.

Слонимский котел. Буквально в первый день войны немцы высадили крупный десант в лесу западнее Слонима. Под их контролем оказались дороги, идущие из Волковыска и Ружан, по которым

отступали части Красной армии. Блокирование дорог посеяло панику. Советские войска, бросив танки и орудия пытались переправиться через р. Щару в обход Слонима.

Огромное количество оружия всех видов осталось лежать на полях и лугах возле деревень Чемеры и Бояры. Об этом котле, как, впрочем, и о многих других в первые месяцы войны, советские и постсоветские военные историки не вспоминают.

Они не пишут и об одном, почти анекдотичном событии 23 июня 1941-го:

Бегство маршала Кулика. Об этом событии долгое время вспоминали все жители Слонима и окрестных деревень. О приключении советского маршала пишу со слов Владимира Михайловича, который, естественно, все это узнал от своих родителей и дяди Якова. Маршал Кулик в момент начала войны якобы находился в Белостоке. Белостокский выступ, как известно, оказался ловушкой для советских войск. Вырвавшиеся из окружения части Красной армии беспорядочно отступали. Житель соседней деревни Чемери, Хвесеня, днем 23 июня 1941 г. пас коров на лугу недалеко от шоссейной дороги Волковыск-Слоним, по которой двигалось много военной техники. Дорога дальше по направлению к Слониму уже была заблокирована высадившимся десантом вермахта. К пастуху, свернув с дороги, подъехала легковая машина. Из машины выбрался военный и предложил ему обменяться одеждой. «Сделка» тут же состоя-

Маршал Советского Союза Григорий Кулик назван историками «самым бездарным маршалом Советского Союза». Был лишен маршальского звания, а 23 августа 1950 года расстрелян «за организацию антисоветской заговорщической группы» накануне войны.

лась к большому удовольствию Хвесени. Через пару дней он в этом же мундире с маршальскими звездами в петлицах поехал в Слоним на базар и был тут же задержан группой немецких офицеров. После выяснения всех обстоятельств пастуха в маршальском мундире эти офицеры долго не отпускали. Они смеялись и фотографировали «маршала» со всех сторон. Хвесеня прослыл местным «героем» и продолжал щеголять в выменянном маршальском мундире. А «пастух» Кулик хоть и с приключениями, но благополучно добрался до Москвы. Сталин отнесся к нему сочувственно.

Через неделю после прихода немцев была попытка ареста Михаила, как коммуниста, по-видимому, по чьей-то наводке. «Какой же я коммунист, сказал Михаил при встрече с немецким военным жандармом, если я только что освободился из советской тюрьмы и это могут подтвердить соседи». Его оставили в покое. Почему СД и гестапо не арестовывали повсеместно бывших членов КПЗБ? В нашей местности, например, в соседней деревне Язвины каждый третий житель был таковым и немцы никого там не тронули. Мой отец также избежал ареста. А упомянутый выше секретарь комячейки КПЗБ из той же деревни Язвины, Ордашевский Максим, несколько недель скрывался у нас в специально оборудованном тайнике, а потом вернулся домой и тоже избежал ареста. Я уже писал о том, что неслыханная жестокость эсэсовских летучих отрядов, которые двигались вслед за армией, произвела удручающее впечатление. И сельский люд молчал. Ибо каждый знал, что любой донос и арест влекли за собой немедленный расстрел жертвы.

Из всех членов семьи Искрик на месте (дома) остались только Михаил и Алёна. Вера успела вместе с отступающей Красной армией уйти на восток. Потом сумела уехать в Алма-Ату и всю войну находилась у своего дяди Максима, сосланного туда из Москвы в 1937 г. Девятнадцатитилетний Яков и группа местных комсомольцев из 12 человек попытались скрыться в лесу, а потом ушли на юг в сторону Полесья. После нескольких недель скитаний по лесам 5 человек из этой группы вернулись домой, а остальные стали бой-

цами какой-то группы скрывавшихся энкеведистов. В 1942 г. они вошли в состав партизанского отряда Сикорского, который, как мне известно, базировался в районе Споровских болот, за рекой Ясельдой. Михаил и Алёна оказывали помощь партизанскому движению как связные. В 1943 г. к ним явился бывший их знакомый, активист КПЗБ Анищик, который по поручению Штаба партизанского движения приступил к формированию нового партизанского отряда. Алёна помогла отряду с оружием, собранным ею ранее, и предложила включить в его состав прежних «дезертиров» (5 человек, двое из них потом погибли в боях).

Партизаны АК. На территории Гродненской области весьма активно боролись против немецких оккупантов отряды Армии Крайовой. После разоблачения катынского преступления советов отношения между польскими и советскими партизанами резко ухудшились. Сталин не ожидал, что расстрел многих тысяч польских офицеров по его приказу станет известным всей мировой общественности. Советские дипломаты продолжали лгать и отрицать вину СССР в этом страшном злодеянии. Но факты – упрямая вещь. Дипломатические отношения между СССР и польским эмигрантским правительством в Лондоне были прерваны по инициативе Кремля. Штабу партизанского движения в Москве был отдан негласный приказ преследовать отряды АК. Наступил период взаимной вражды. Положение немецких войск на восточном фронте после Курской битвы заметно ухудшилось, и Сталин мог позволить себе подобные политические демарши. А зря. Он не предполагал, что посеянная им вражда между советскими и польскими партизанами перерастет в большую вражду всего польского народа против СССР. И в развале Советского Союза важная роль принадлежит полякам, в том числе и польским рабочим, которые, вопреки марксистской теории, возглавили борьбу против коммунизма.

Сделав такое отступление, следует вернуться к событиям в Слонимском районе, тем не менее, связанным с большой политикой. Положение отца Владимира Михайловича в связи с обостре-

нием отношений между АК и советской партизанкой оказалось довольно сложным, если не сказать опасным. Местная агентура АК сообщила своему отряду, что связной Михаил Искрик активно помогает «красным» партизанам: организовал для них выпечку хлеба и доставку других продуктов. В одну из ночей начала осени 1943 года в дом Михаила Искрика зашла группа вооруженных аковцев и объявили ему, что он арестован и знает за что, и должен следовать с ними. Михаил сразу оценил опасность. Он объяснил непрошенным гостям, что помогает всем партизанам, которые воюют против гитлеровцев. У него была надежда на спасение. Его жена, мама Владимира Михайловича происходила из католической семьи Барисевичей, а ее родной брат Ян был ксендзом в одной из деревень соседнего Новогрудского района. Со своим шурином накануне этих событий Михаил встречался и обсудил с ним возможную опасность со стороны партизан АК. О своей встрече с шурином-ксендзом Михаил рассказал аковцам, и это тут же подтвердила жена. У польских партизан ксендз пользовался несравненно большим авторитетом, чем, скажем, православный священник у советских партизан. Естественно, что партизаны АК все эти данные уточнили, и больше Михаила не беспокоили.

1944 год. После освобождения Слонима почти всех местных партизан отправили на фронт. При штурме Кенигсберга многие из них погибли. Михаил находился в запасном полку и осенью 1945 г. вернулся домой. В этом полку он страшно голодал, но письма домой писал бодрые, за что его похвалил заместитель командира полка по политчасти, и даже предложил опубликовать некоторые письма в газете «Комсомольская правда». Мой отец был менее догадлив и, находясь в таком же голодном положении в запасном полку, попросил маму прислать ему кусочек сала. На что получил ответ: «Хворобу тебе, а не сала, пусть салом кормят тебя твои большевики». Эти нелицеприятные слова в письме были вымараны цензурой, и отец по возвращении домой допытывался, что же такое «запретное» писала ему мама? Но она ему ничего не сказала и только мне обо всем поведала. (Подробнее см. об этом в кн. «Записки западного белоруса», 2007).

В 1947 г. проходили выборы в Верховный совет БССР. Михаилу райком партии поручил провести объединенное собрание жителей деревень Чемери и Бояры, на котором необходимо было выдвинуть кандидатом в депутаты директора МТС некого Кульбицкого. Местные жители с этой кандидатурой не согласились и выдвинули на это место своего земляка – председателя сельсовета. Возникла непредвиденная для райкома партии ситуация. Михаила обвинили в «политической близорукости» и «подстрекательстве». Районная прокуратура тут же возбудила против него уголовное дело. Бывшему партизану и активисту КПЗБ припомнили довоенный арест и осудили его на 10 лет пребывания в Карагандинском лагере. Там он находился 1 год и 9 месяцев. За него ходатайствовали сестры, брат Яков и другие партизаны и бывшие активисты КПЗБ. После апелляции и пересмотра дела его освободили. В кругу семьи он говаривал, что прошел хорошую школу и, наконец, понял, «что такое советская власть».

Налоги. После войны на территории Западной Беларуси, Украины и Прибалтики почти пять лет не строились колхозы. Людям

жилось трудно, но такого голода, как на коллективизированной территории Советского Союза не было. О массовом наплыве голодных «восточников» (так их называли местные жители) в наши края я писал ранее. Однако налогами крестьян-единоличников советская власть обложила солидными, если не сказать обременительными. Не было никакой пощады (ни малейшей скидки) и для ветеранов прошедшей войны. В нашей семье было два ветерана: я и отец, и он вынужден был наравне с остальными сельчанами сдавать различные поставки и выплачивать еще и денежный налог. А какие только не были придуманы наверху налоги, которые финагенты вынуждены были взыскивать с крестьян? Вот примерный перечень поставок, которые сдавала наша семья: шерсть, молоко, масло, яйца, мясо (в живом виде), картофель, зерновые и еще воз сена. Плюс к этому еще и денежный налог за огород и сад. «Советские налоги оказались грабительскими», говорили мужики моему отцу, упрекая его за прежнюю просоветскую деятельность при Польше, и незлобно насмехались над ним за его прежние заблуждения. Сам он, к примеру, знал, что три мужика из соседних деревень Поясы и Заплесье в 1920 году оказались на короткое время в составе армии Булак-Балаховича, за что при Польше были освобождены от всех налогов (податков). Разоренная войной молодая польская республика, в отличие от советов, смогла быть признательной своим ветеранам, которые даже не являлись этническими поляками.

Беседа с отцом на тему советских налогов. Как-то летом 1948 года отец предложил мне отвести воз налогового сена на станцию Нагорье (Дрогичин товарный), что, примерно, в десяти км от нашего дома. Подъехав к месту назначения, я увидел длинную вереницу телег с сеном, стоящих в очереди к весовой раме. Сначала взвешивался воз с сеном, а затем после выгрузки сена вычитался вес пустой телеги. По моим расчетам стоять в очереди пришлось бы не менее трех часов. Я подошел к весовой и увидел в качестве приёмщика сена своего партизанского товарища Анатолия Кузнецова, который был моим командиром отделения в разведвзводе. Чтобы не

нарушать ритм работы, он тут же взял мою налоговую квитанцию и велел без взвешивания выгрузить сено и вернуться к нему. Времени для беседы не хватало, хотя мы были очень дружны с ним. Я забрал квитанцию с отметкой о сдаче положенного количества сена и уехал домой. Вечером невольно возник разговор на тему разорительных советских налогов. Мы вспомнили польские порядки, которые так эмоционально критиковал когда-то отец. И он в тот вечер впервые открыто признал, «что если бы мы также верно, как советам, служили полякам, то те бы отнеслись к нам совсем по-другому». Я не стал говорить о его прежних заблуждениях. Достаточно было того, что мать иногда при оказии напоминала ему о его «любимых большевиках», из-за которых он чуть не погубил всю семью.

Максим Ордашевский. Этим мужественным и фанатично преданным коммунистической идее человеком можно восхищаться и в то же время вспоминать о нем с сожалением. Человек-легенда. Вернувшись с войны инвалидом с проломленным черепом, он продолжал встречаться со своим старым товарищем. Было им что вспомнить! Я по молодости не вникал в их разговоры, да и отсутствовал большую часть времени дома в связи с учебой. Сам Максим никогда не высказывался негативно о своей подпольной работе в прошлом, никогда не говорил что-то критическое в адрес советской власти, которая обкладывала ветеранов войны налогами. Его, старого подпольщика, эта власть не пощадила: он воевал на двух фронтах – на западе и на востоке против Квантунской армии, где и получил тяжелое ранение. Дефект черепа был большим, около 8 см в диаметре. И когда я смотрел на пульсирующую ткань мозга под тонкой оболочкой, то меня переполняло два чувства: я не мог не восхищаться этим волевым человеком и в то же время возмущался несправедливостью тех командиров и политруков, которые послали этого немолодого бойца на второй фронт. Моему отцу повезло больше. В том же запасном полку его обучили управлять грузовой машиной, и он всю войну подвозил на передовую артиллерийские снаряды. Служба тоже опасная, но ему не приходилось ходить в атаку.

Академик А. Я. Прокопчук (1896-1970). Личность не менее легендарная. Его отец был родным братом жены деда Рыгора Искрика, бабушки Ульяны. Во время первой мировой войны они вместе находились в беженцах. А. Я. Прокопчук в 1923 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Остался в СССР, но на Слонимщину приходил в 1918-19 гг. в составе подпольной партизанской группы И. К. Опанского. Был женат на сестре Михаила Витушки, который в звании генерала в 1945 г. возглавил “Беларускі збройны Супраціў”. За антисоветскую деятельность М. Витушки сотрудники НКВД арестовали ни в чем неповинную его сестру, жену А. Я. Прокопчука, которая затем бесследно исчезла в застенках НКВД. Остался их сын Артур. Такое родство значительно осложнило жизнь Андрея Яковлевича в условиях тоталитарного государства.

Владимир Орлов в своей книге «Імёны свабоды» (2007) пишет: «Выхаванец Віленскай беларускай гімназіі, Праскай і Варшаўскай палітэхнікі у гады вайны М. Вітушка стварыў Беларускую службу парадку на Магілеўшчыне, Смаленшчыне і Браншчыне. Сябра ЦК Беларускай незалежніцкай партыі і удзельнік Другога Ўсебеларускага з’езду, Вітушка быў сярод арганізатараў плянаванага, як меркуюць некаторыя гісторыкі, антынямецкага паўстаньня з мэтаю абвяшчэньня незалежнай Беларускай Народнай Рэспублікі»

Потомственный «змагар». Вот передо мной статья в газете «Комсомольская правда» от 1 декабря 2000 г. под броским заголовком: «*В 60-е годы* белорусские *студенты создали* ***подпольное Правительство»***. Автор статьи Наталия Кривец пишет: «Студент филфака БГУ Владимир Искрик поначалу никак не мог взять в толк, почему преподавателей белорусской литературы нервируют имена Франциска Богушевича и Максима Богдановича. Он привык к ним

с детства и даже не подозревал, что есть в них что-то запретное. В его семье всегда чтили хорошую белорусскую литературу и, не стесняясь, говорили о национальном самоопределении белорусов. Дед, например, в свое время был секретарем «Беларускага студэнцкага землячтва» в Москве, отец – одним из организаторов «Таварыства беларускай школы» на Слонимщине. Уровень их мышления, понятное дело, никак не мог втиснуться в те рамки, которые определило для белорусов правительство Советского Союза. Владимир Искрик вслед за дедом и отцом прошел ступени национального самообразования, но лишь в Минске почувствовал, что оно не в чести». В беседе со мной Владимир Михайлович подчеркнул, что, проживая в общежитии БГУ вместе со студентами из разных мест БССР, он не мог не заметить значительное различие в ментальности молодых людей из восточной и западной части Беларуси. Я это заметил гораздо раньше в период своей учебы. От физического и духовного геноцида, а также от насильственной русификации Восточная Беларусь пострадала несравненно в большей степени, чем Западная. Проводимая польским правительством полонизация началась только в 1934 г. и не сопровождалась насилием. Все учителя белорусских школ и гимназий оставались на своих местах. Этот вопрос мною подробно освещен в книге «Записки западного белоруса». Кстати, когда печаталась эта книга в типографии «Смэлток», один, присутствовавший там журналист, с некоторым упреком спросил меня: «Чем же отличается западный белорус от восточного»? Пришлось пояснить ему, что исторически сложившиеся судьбы людей в восточной и западной частях нашей Родины оказались разными и это отразилось на их ментальности, и что время постепенно сглаживает это различие, хотя и не лучшим образом. А недавно я прочел в одной из российских газет о путешествии московского журналиста по Украине. Вот он перемещается с востока на запад и, дойдя до Западной Украины, начинает повествовать: «Здесь проживает этнически другой народ». Так московскому шовинисту пришлась не по душе повсеместно слышимая во Львове и в других городах и селах «україньска мова».

Но продолжим далее репортаж Наталии Кривец в указанной выше газете: «В принципе В. Искрик ни за что не боролся. Он приехал учиться, но оказалось, что образовательная система Западной Беларуси, по которой учились его родители, и отголоски которой застал еще и он, будучи школьником, не совпадает с примитивными программами образования, внедренными чутким руководством КПСС на остальной части БССР. И уже на первом курсе к Искрику потянулись вольнодумцы и сочувствующие. Ближе всего он сошелся с однокурсником и земляком Сашей Белоусом… Очень скоро кружки появились на физфаке БГУ, на Минском тракторном заводе и даже в ВИЗРУ и Высшей школе милиции. В «ближайший круг» входили внук Якуба Коласа Юрий Мицкевич, начинающий поэт Владимир Мархель, будущий историк Михаил Ткачев, поэт Рыгор Семашкевич и филолог Геннадий Тумас. В принципе, кружки, мозговыми центрами которых были Искрик и Белоус, были малочисленны – в каждом едва ли набиралось с десяток человек. К открытой борьбе с властью не призывали, с бело-красно-белыми флагами по Минску не ходили. Все было по нынешним временам более чем пристойно – читали литературные журналы, делились друг с другом переживаниями о судьбе Беларуси, мечтали о независимости, негодовали в своем кругу из-за кремлевской имперской идеи, требовавшей от белорусов самоуничтожения. Хотя со временем кружковцы дошли и до создания подпольного правительства независимой Беларуси. Задевало наших диссидентов, что для России такой страны, как Беларусь, вроде никогда и не было, а была одна из задрипанных ветвей славяно-русского дерева. Проштудировав историю Беларуси, они выяснили, что до екатерининского завоевания в 1795 году Минск, Киев и Москва ни одного дня не были под властью одного царя. Ну, как было не посвятить сокурсников в такие тонкости национальной политики! Не все, правда, соглашались с подобными взглядами на историю. Особо несогласные в письменном виде докладывали об этом куда надо».

Далее автор отмечает, что КГБ желанием расправиться с «заблудшими овцами» не горело (времена не те), и, в конце концов, дело перешло в руки ректората БГУ. По словам Владимира Искрика, на объединенном собрании ректората и комитета комсомола, несмотря на обвинительные речи представителей партийных и комсомольских органов, студенческая молодежь факультета отказывалась голосовать за исключение Искрика и Белоуса из комсомола, зная что это автоматически повлечет за собой исключение из университета. Потребовалось отменить лекции на юрфаке и после перерыва всех студентов этого факультета пригласить на объединенное собрание. Но и эта мера оказалась безрезультатной. После различных уговоров и ухищрений от студентов потребовали персонально проголосовать: «Кто против исключения»? К удивлению ректората и парткома БГУ добрая половина присутствовавших на собрании не побоялась проголосовать «против». Пересчитали голоса «против» и объявили, что их меньше половины списочного состава студентов этих двух факультетов. После этого студентов последнего курса, Искрика и Белоуса, исключили из комсомола и университета. В вину им вменялись национализм и антисоветчина. Автор статьи пишет: «Искрику, например, припомнили случай в пионерском лагере. Белорусский язык тогда хоть и активно задвигался на задний план, многие дети еще не научились делать доклады по-русски. Однажды один мальчишка так разволновался, что не мог выдавить из себя ни слова. И Искрик, успокаивая паренька, погладил его по голове и заметил: ничего страшного, говори по-белорусски. В итоге студента обвинили в том, что он, применяя физическое насилие, заставлял говорить детей по-белорусски.

По сути, с диссидентами обошлись мягко: исключение из университета – не лагеря. Владимир Искрик по сей день уверен, что обязан он этим секретарю ЦК КПБ Сергею Притыцкому, который выступил в защиту «антисоветчиков». На того в сороковые годы тоже заводилось дело, дважды едва не доходило до арестов, но спасла его тогда одна из ближайших родственниц Искрика…». Автор отмеча-

ет, что за опального студента заступилась и вся партизанщина Слонимщины. В то же время тогдашняя реакционная газета «Советская Белоруссия» писала: *«Как же все-таки случилось, что коммунисты и комсомольцы филологического факультета прозевали моральное падение Искрика и Белоуса? Они и их ближайшие собутыльники несколько лет пьянствовали, возомнили себя «вундеркиндами», перестали считаться с чьим бы то ни было мнением, противопоставили себя всему коллективу, пытались проповедовать на факультете свои дурнопахнущие взгляды».* Эти высокопарные и насквозь лживые слова были написаны в 1964 году. Коммунистическая реакция стремилась тогда расправиться с реформатором Хрущевым и реставрировать сталинизм. Газета «Советская Белоруссия», рассадник двойной морали, сама того не замечая, отталкивала от себя здравомыслящего читателя. Всем было известно, что ни Искрик, ни Белоус и их друзья ни с кем не собутыльничали. Но таков был пропагандистский стиль (приём) этой газеты. В этой связи следует вспомнить, что в те годы вся советская страна застойные брежневские времена именовала «запойными». Как говориться: «Рыба гниет с головы».

В те же 60-е годы мне довелось с группой научных сотрудников из Москвы выехать на научную конференцию по переливанию крови в Болгарию. После соответствующего инструктажа работники МИДа порекомендовали нам взять с собой по бутылке водки и одаривать ею наших болгарских коллег. Даже водителю автобуса, который возил нас на знаменитую Шипку, мы вручили бутылку водки. А вот как о советском сопровождении культурных связей с заграницей писал в своем отчете американский посол Кеннан: «Что касается культурного сотрудничества, то здесь также будет отмечаться неискренняя поддержка желательности углубления культурных контактов между народами, однако на практике это никоим образом не будет интерпретироваться как потенциал снижения уровня безопасности советских народов. Практические проявления советской политики в этой связи будут ограничиваться узкими каналами

тщательно контролируемых официальных визитов и функций, характеризоваться избытком водки и речей и отсутствием постоянных результатов» (А. Шевякин: «Загадка гибели СССР, 2004).

Автор статьи в газете «Комсомольская правда» Наталия Кривец заключает: «В конце концов, в Минск просить за сына приехал отец – как-никак парню осталась всего одна сессия и защита диплома». Встреча с ректором БГУ А. Н. Севченко оказалась результативной: «Искрик и Белоус были восстановлены в университете, правда, на заочное отделение, и все-таки получили дипломы». Владимир Михайлович полагает, что академик А. Н. Севченко, крупный ученый в области оптики, Герой социалистического труда, человек прогрессивных взглядов, проявил (мог проявить) некоторую смелость и принял разумное решение в данной непростой ситуации.

Эпилог. Содержанию данной части книги скорее подходит название не фанаты, а жертвы фальшивой идеи. Могли ли они, главные лица этого рассказа, знать в то время, что эта идея действительно фальшивая? Когда я показывал в те годы отцу заметки в польской газете о перебежчиках из СССР, которые рассказывали страшные вещи о советской действительности (про тот же голодомор, массовые аресты и вывоз крестьян в северные концлагеря), то он твердил мне, что все эти «перебежчики» специально подосланные польской дефензивой провокаторы. Было ли это его собственное мнение? Скорее всего, так заблуждался и Максим Ордашевский, который был еще большим фанатом обманчивой коммунистической идеи, чем мой отец. Почему эта идея оказалась такой привлекательной? Все эти западные белорусы и украинцы, вернувшиеся из беженцев в России, еще помнили зажигательные лозунги про коммунистическое светлое будущее и революционные песни типа «Вышли мы все из народа…». И верили, что так оно и вершится в той же Саратовской или Калужской «губерниях», из которых они недавно вернулись на родину. А на родине их тоже обманули, заявив, что никакие они не белорусы и не украинцы, а поляки православного (или

иного) вероисповедания. Об этом крупном политическом просчете довоенной Польши см. в главе «Ежи Гедройц: упущенные возможности многонационально Польши и новые реалии» (в кн. «Записки западного белоруса 2», 2011).

Глава 3.

Приключения в СССР молодого ученого-экономиста, члена КПЗБ Леона Менке.

Вступление. 6 сентября 1933 года, на советско-польской границе в Колосово встретились двое видных деятелей возрождения национальной культуры Западной Беларуси. В соответствии с договоренностью между польским и советским правительствами заключенного Соловецких лагерей драматурга Францишека Алехновича обменяли на такого же заключенного польской тюрьмы Бронислава Тарашкевича. Бывшие соратники и друзья, оба жители г. Вильно встретились вновь в необычной обстановке. Ф. Алехновичу удалось вырваться на свободу их когтей ГПУ после семилетней неволи благодаря заступничеству старшего брата Ю. Пилсудского – Бронислава, известного филолога и этнографа, с которым он был знаком ранее. Вот как происходила эта встреча в описании самого Ф. Алехновича, автора упомянутой книги «У кіпцюрах ГПУ» (1934): «Мы подошли к приграничным воротам, на которых виднелась надпись: «Коммунизм сметет все границы». Эту надпись я видел много лет тому назад, когда одураченный советской пропагандой в ноябре 1926 года с чувством радости устремился в Советский Союз с надеждой участвовать в культурном строительстве своей родной Беларуси. Тогда тоже была осень, но в моем сердце пылала весна. Теперь я возвращаюсь, бодяга, в тюремном бушлате, протрезвевший на Соловках, счастливый, что через некоторый момент моя нога переступит межу страны «строительства социализма» в обратном направлении. Напомним, что тогда в стране советов его, известного

драматурга, радужно встретили, уговорили сдать польский паспорт и принять советское гражданство. После завершения этих формальных процедур его тут же арестовали, обвинили в шпионаже и белорусском национализме и на 15 лет сослали на Соловки. Выйдя на свободу, Ф. Алехнович написал, указанную выше книгу, которая была переведена на все европейские языки. Теперь он с грустью наблюдал, как в такой же дьявольский капкан, в такие же «когти ГПУ» устремляется новая жертва – его бывший товарищ и соратник по совместной деятельности на ниве белорусской культуры на землях родной Виленщины. «И сейчас осень, пишет Ф. Алехнович, но в моей душе теперь светло, солнечно, радостно… Приглядываюсь к группе людей, которые приближаются к нам с той стороны. Сопровождающий меня сотрудник ГПУ тоже устремил свой взгляд туда и старается регулировать мой шаг: Медленней! Быстрей! Видимо, нужно было подойти к установленному месту на границе точно в назначенное время. Так как было бы не совсем деликатно заставить кого-то ожидать, а лишняя поспешность умаляла бы престиж той или другой стороны. Так я понимал тогда команду моего чекиста. А пока я продолжаю смотреть на встречную группу людей и различаю их лица. Впереди идет высокий господин в гражданской одежде (председатель польской репатриационной комиссии Куликовский). С ним – с двумя полицейскими по сторонам – тот, кого польское правительство обменяло на меня: Бронислав Тарашкевич. В этот момент я почувствовал не только и не столько духовный, но и физический контраст между нами. Заключенный «капиталистической страны» шел в фетровой шляпе, в модном осеннем пальто и в начищенных ботинках… Советский заключенный шел в старом потертом лагерном бушлате. Тарашкевич, приближаясь, глядел на меня с невыразительной улыбкой. Столько лет не виделись! Я тоже вглядывался в этого человека, который, заблуждаясь, поломал судьбы стольким молодым людям, направляя их взоры на советские миражи. Затем последовала церемония обмена. Отдача чести. Рукопожатие и подписание акта обмена. И мы, бывшие друзья, а

теперь совсем разные люди, пути которых расходятся в противоположные стороны, подали себе руки».

Не обошлось без упреков. Натерпевшись в Соловецком лагере, Ф. Алехнович не мог не высказать своему бывшему товарищу череду горьких слов. Это он, Тарашкевич, бывший посол польского сейма, легкомысленно подпал под влияние КПЗБ и своим авторитетом направлял не только взоры, но и шаги многих молодых романтиков, которые в поисках счастья в Советском Союзе попадали там в когти ГПУ-НКВД. Не без влияния Тарашкевича угодил в свое время в такие же «копцюры» и сам Ф. Алехнович. И в этот момент на границе он знал, что его бывший друг идет в страну «политического абсурда», в которой не только говорить, но и думать положено по одинаковому шаблону. Что он идет в страну белого рабства, нужды и голода. И в той необычной ситуации Ф. Алехнович не сдержался и, вопреки запрету говорить при встрече на политические темы, произнес на родной для них беларуской мове вещие слова: «Бронюсь, куды ты ідзеш? Ты ідзеш ў краіну белага рабства. Там, на Салаўках я бачыў многа тваіх паплечнікаў, якіх ты сваей Грамадой уцягнуў в бяду». И эти его мрачные предсказания вскоре сбылись. В СССР Тарашкевича обвинили в шпионаже в пользу Польши и в 1938 году расстреляли. Но вернемся к тем событиям на границе. Ф. Алехнович пишет, что «нашу беседу прервал тогда председатель польской репатриационной комиссии: Panowie mieli mówić o sprawach prywatnych, a panowie mówią o polityce… А советский генерал, узнав, что мы беседуем на «политические темы», был, что называется, «захвачен врасплох», и не знал, что делать. Я же опьянел от счастья, что выхожу на свободу, и был, действительно, многоречив».

Начало новой трагедии. За два года до этих событий, по линии Коминтерна, прибыл в СССР для совершенствования своих научных знаний молодой польский коммунист, член КПЗБ, недавний выпускник экономического факультета Виленского университета, Леон Менке (Leon Moenke). Его предки когда-то переселились из Германии в Вильно, которое давно стало полиэтничным городом,

и влились в состав белорусской диаспоры. Одна из сестер Менке, например, была замужем за А. Луцкевичем. В Советский Союз – страну своей мечты он перебрался нелегально вместе с женой. В 1932 году в Москве его тут же зачислили в аспирантуру на кафедру политэкономии Коммунистического университета стран Запада, а жену устроили преподавательницей польского языка в Военную академию. Но вскоре молодой аспирант понял, что к компартии Польши и ее филиалам (КПЗБ и КПЗУ) советские спецслужбы относятся с особым подозрением и недоверием. Что судьба любого польского коммуниста в СССР находилась под постоянной угрозой беспричинного ареста и расстрела. И он принял кардинальное решение. После удачного побега из страны своей прежней юношеской мечты он, подобно бывшему узнику Соловецких лагерей, Ф Алехновичу, автору книги «В когтях ГПУ», оставил такие же интересные записки о своем пребывании в СССР, которые публиковались в газете «Kurier Wilenski» («Виленский курьер» за 1938 год. Эти записки воспроизводит в наши дни белорусско-польский журнал «Czasopis». С этими ценными свидетельскими документами Леона Менке мы решили познакомить наших читателей.

Рассказ Л. Менке. Свои повествования он начинает со вступления: «Мои дорогие! Пишу Вам впервые о том, что хочу, и как хочу. Пишу из Финляндии, куда мне удалось бежать вместе с женой, о чем уже знаете из предварительной моей телеграммы. Представляю себе ваше удивление. Но это так. То, что видел и пережил за годы пребывания в СССР, коренным образом изменило мою жизненную позицию и политические взгляды. Несмотря на относительное благополучие (по советским меркам) и социальное положение (аспирант университета), – я только и думал о том, как выбраться из этой двойственной ситуации. Зная о трагических исходах ряда попыток нелегального перехода советской границы, я старался получить официальное разрешение выехать из СССР, чтобы больше никогда туда не возвращаться. А тем временем, в течение последнего года произошло несколько настораживающих событий. Арестованы и

приговорены к 10-летней каторге мои давние товарищи по совместной политической деятельности в Польше, бывшие послы Сейма: Рак-Михайловский, Метла, Гаврилик, Волынец и др. В результате и я попал в список «подозреваемых». Понятно, что в возникшей ситуации не могло быть и речи о легальной поездке за границу».

Тревожные ожидания. Пригожим майским днем 1934 года произошло то, чего с тревогой я ожидал. Меня вызвал высокий партийный чин и заявил: «Ваше пребывание в Москве нежелательно по партийным соображениям. Вы должны покинуть столицу и выбрать любое место для дальнейшей жизни вместе с семьей. Исключение составляют только советская Украина и советская Белоруссия. – Тогда я выбираю Ленинград, – не колеблясь, ответил я, прикидывая в уме, что этот город находится вблизи финской границы. Мой ответ застал этого партийного вельможу врасплох. Он долго молчал. Потом изрек: «Нет! Выбирайте другой город». – Боясь, что подобный ответ прозвучит, назови я другой город, пришлось попросить этого партийного босса дать мне несколько дней на размышление, пояснив, что столь ответственное решение нельзя принимать сходу.

– На размышление, товарищ, даем вам три дня, после чего вы явитесь ко мне с принятым решением. Прием закончен. – Мысль о Ленинграде меня не покидала. Поговорил со своими знакомыми. Одна компетентная и доброжелательная ко мне особа пояснила, что согласие на проживание в Ленинграде я не получу, там уже находится один белорус. – Кто этот белорус и почему я не могу проживать с ним в одном городе, оставалось загадкой. От другой, более детальной информации, указанная особа воздержалась.

Аудиенция у ректора. Три дня миновали. Я ни к кому не обращался. На четвертый день меня вызвал ректор Коммунистического Университета Запада, в котором я проходил аспирантуру и тоном, не допускающим возражения, заявил: «Товарищ! Вы должны вместе с семьей убыть в Алма-Ату. В вашем распоряжении десять дней, чтобы завершить свои дела в Москве и подготовиться к отъезду». – На его категорический приказ я ответил длительным молчанием.

Наконец он не выдержал и спросил: «Каковы намерения вашей жены?» – Моя жена, товарищ ректор, человек самостоятельный и независимый и поэтому я не уверен, захочет ли она делить со мной мою судьбу. К тому же у нее хорошая работа, – она преподает польский язык в Академии им. Фрунзе. – Советовал бы вам, не создавать нам трудностей и уговорить свою жену уезжать вместе с вами, заявил безапелляционным тоном ректор, поглядывая на меня с кривой усмешкой. – Снова в кабинете воцарилось молчание. Затем ректор добавил: «О своих приготовлениях к отъезду и связанных с ним бытовых затруднениях проинформируйте наш спецотдел. Они окажут вам необходимую помощь. – Прием закончен. Я откланялся и вышел из кабинета. Итак, меня ссылают в Алма-Ату без моего согласия и на десять дней передают в распоряжение спецотдела (секретного).

Я решил так легко не сдаться. По выходе от ректора поспешил навестить указанного выше партийного чиновника, который принял меня с выражением лица человека, страдающего зубной болью. – Разве я лишен прежнего права выбора для нового местожительства? – начал я свой разговор. – Нет, ни в коем случае. – Тогда я выбираю Самару. – Завтра дам вам ответ, после некоторого замешательства, ответил мой собеседник. Я наивно полагал, что из Самары мне будет легче выбраться на волю. Наутро на доске объявлений Университета я прочел, что меня снова приглашают к ректору. В его кабинете сидел мой научный руководитель и указанный партийный чиновник, который в дружелюбной форме настоятельно стал уговаривать меня не отказываться от Алма-Аты: – «Товарищ, вы не представляете себе, какое это прекрасное место с мягким южным климатом, почти курорт. И в то же время это культурный и политический центр Казахстана. Там имеется педагогический институт, в котором вы легко найдете себе работу по специальности». – Я выразил ему признательность за совет, но тут же возразил, что я и моя жена не привыкли к жаркому климату, который негативно может сказаться на нашем здоровье. К тому же у нас имеется полуторагодичный ребенок, и нам бы лучше подошел климат г. Самары. К тому же в этом

городе больше, чем в Алма-Ате высших учебных и научных учреждений, в которых я смог бы подыскать себе и жене работу по специальности. Мои аргументы оказались не без оснований, и на его лице выразилась некоторая озабоченность. Он тут же сменил тактику и начал ссылаться на моего научного руководителя, который якобы хорошо знает товарища Шаранговича: «Ваш земляк возглавляет в Казахстане Комиссию партийного контроля и, я уверен, что он поможет вам решить все бытовые и профессиональные трудности. *И даже, если бы вас исключили из партии, вы все равно найдете в Алма-Ате работу».* – Это были с его стороны, весьма настораживающие для меня слова. До этой встречи мне уже было известно, что во время начавшихся репрессий коммунистов перед арестом, как правило, предварительно исключали из партии. Во время данной беседы мой непосредственный руководитель не проронил ни слова, как бы соглашаясь со всем, что говорил партийный начальник.

Свой ответ моим собеседникам я начал в довольно резкой форме: – Какое значение в данном вопросе имеют частные знакомства? Допускаю даже, что дадите мне какие-нибудь рекомендательные письма. Но не председатель же Комиссии партийного контроля т. Шарангович должен решать мои проблемы. До сих пор я их решал сам. – В ответ партийный руководитель улыбнулся, но резко заявил: – «Никаких рекомендательных писем, товарищ, вы не получите и должны в указанные сроки выехать в Алма-Ату». – И тут впервые заговорил мой научный руководитель: «Не такие, как вы, а более видные особы проживали в этом курортном городе», явно намекая на Троцкого. – Выходит, я потерял право выбора места жительства? – «Нет, не потеряли». – В таком случае пишу жалобу. – «Можете писать сколько угодно жалоб, но лучше делайте то, что мы вам советуем и, не мешкая». – Я вышел из кабинета, стукнув дверьми.

Повторная аудиенция у ректора: – «Товарищ Менке, хочу вас предупредить, что ваш сын не может оставаться в университетских яслях дольше вашего пребывания в Москве». – Товарищ ректор, не могу же я брать его с собой, не имея в Алма-Ате квартиры. – «Вам

там дадут квартиру». – Вспомните, т. ректор, как по приезде в Москву вы тоже должны были дать мне квартиру, а сколько месяцев мне пришлось ждать! Я даже не знаю, кто в Алма-Ате обязан давать мне квартиру, и не придется ли нам с женой и маленьким ребенком ютиться на вокзале или в переполненной, как везде, гостинице? Там у меня, в отличие от Москвы, нет даже знакомых, у которых можно было бы временно остановиться. – Ректор тут же меня прервал и заявил: «Еще раз повторяю, что ребенок не может оставаться в яслях дольше указанного срока вашего отъезда в Алма-Ату». – Из его слов я понял, что всех этих высших партийных чиновников меньше всего волновала судьба моей семьи. Они надеялись, что с маленьким ребенком мы будем связаны по рукам и ногам и станем неспособными к принятию каких-либо решительных действий. А мы с вами, уважаемый читатель, обратим внимание, чем занимался ректор столь «престижного» Коммунистического университета, который в действительности оказался ловушкой для наивной молодежи западных стран. Я помню из периода моей юности, как в 30-е годы прошлого столетия некоторые молодые ребята из нашей местности нелегально уходили в страну советов и исчезали там бесследно. Напрасно бедные родители ждали их возвращения с приходом на наши земли Красной армии в 1939 году.

Отметим, что различные формы коммунистического террора, которые часто не поддаются логическому осмыслению – это отдельная большая тема. А нам пора вернуться к дальнейшему описанию приключений Леона Менке в стране его прежней мечты, из которой он теперь пытается всеми силами выбраться.

Окончательное решение. – Я понимал, что в Алма-Ате, вдали от знакомых и друзей, меня могут ожидать любые неприятности. В первую очередь меня исключат из партии, учитывая мое буржуазное происхождение, оставят без работы и превратят в «лишенца» – человека, обреченного на голодную смерть. Побег из Алма-Аты практически невозможен, тем более, если мы уедем туда всей семьей. Мои прежние надежды переправить

ребенка к бабушке в Польшу оказались безрезультатными. Не могло быть и речи, чтобы она приехала за ним в Москву туристкой и забрала внука с собой. Я не мог бежать один, оставив жену с ребенком в Москве. В «стране социализма» до сих пор бытует монгольское средневековое право коллективной ответственности, т. н. «круговая порука». Моя жена оказалась бы в тюрьме или в ссылке, а ребенок в детдоме. В нашем случае нельзя было оставить ребенка знакомым или друзьям, чтобы потом забрать его через Красный Крест. Такой простой выход из положения возможен в любой капиталистической стране, но не в СССР. Этим мы подвергли бы своих друзей преследованию ГПУ. Единственным правильным решением было бы поместить нашего сына в каком-нибудь приличном детском учреждении, а самим бежать и уже через Красный Крест вернуть его к себе.

После разговора с ректором не могло быть и речи, чтобы оставить нашего мальчика в яслях университета. Моя жена давно стремилась поместить сына в более благоустроенный детский комбинат при Академии им. Фрунзе и стояла там на очереди. На сей раз нам повезло: в этом комбинате оказалось свободное место, и мы без особых хлопот устроили там нашего малыша. Мы прощались с ним с большой грустью в душе, но у нас теплилась надежда на возвращение нам нашего сыночка через Международный Красный Крест. Опытная няня посоветовала нам уходить незаметно, когда мальчик будет увлечен игрой. Она же предложила принести ему запасные ботиночки для прогулки. Но ни в одном детском магазине Москвы таковых не оказалось. Пришлось купить на рынке ботиночки больше по размеру, которые сестра-хозяйка приняла, пообещав сама решить эту проблему.

Далее Менке пишет: У западного читателя может возникнуть удивление, почему столь настоятельно молодые родители страны советов стремились помещать своих малолетних детей в детские ясли или сады? Неужели у них были притуплены родительские чувства? Вовсе нет. Ответом могут служить мои длительные наблюде-

ния за жизнью простых советских граждан в Москве. Они показали, что основной причиной указанного стремления являлись низкий уровень жизни этих людей, буквально у черты бедности, и стесненные квартирные условия. Последствия страшного голодомора этого периода отразились и на жизни москвичей. Москва стала не только перенаселенным городом, но испытывала затруднения с продовольственным обеспечением. Маленьких детей в яслях и детских садах кормили лучше, чем это могли позволить себе их родители. Мы с женой не испытывали подобных затруднений. В столовых Коммунистического университета и Академии им. Фрунзе продуктов было достаточно. Но няня, которую нам порекомендовали, была весьма невежественная и постоянно простуживала нашего ребенка, который перестал болеть только после помещения его в ясли.

Наш комментарий: Польские газеты того времени широко освещали политические события в Советском Союзе и, в частности темы сталинского террора и страшного голодомора. Так, например, газета «Robotnik» («Рабочий»), орган Польской социалистической партии (ППС), писала о терроре под броским заголовком «Rewolucja pożera swoje dzieci» (Революция пожирает своих детей). Но наиболее подробно эти и другие события в СССР освещала газета «Русское слово», издаваемая в Вильно. Мой отец, хоть и называл эту газету «белогвардейской», но часто покупал по очереди с другими мужиками. Все они недавно вернулись из беженцев в России, и русский язык им был более привычным. В ответ на эти и другие публикации польских газет подпольные листовки КПЗБ, которые активно распространял мой отец, в своих лживых статейках сообщали о голодающих крестьянах Виленщины. А террор и голод в СССР, по их мнению, – это, дескать, «досужие выдумки пилсудчиков». Так думали многие жители моей деревни, одураченные советской пропагандой. И даже рассказы о голодоморе редких перебежчиков из Восточной Украины, публикуемые в польских газетах, не смогли их в то время переубедить. И вот мы подходим к главному вопросу. Если так были обмануты листовками Коминтерна простые

мужики, то почему в эту ложь легко поверили указанные выше интеллигентные образованные люди? Почему выпускник экономического факультета Виленского университета Леон Менке проглотил эту ядовитую пропагандистскую наживку, а теперь изо всех сил пытается выбраться из страны своей прежней мечты, страны «белого рабства», как ее назвал Франтишек Алехнович, промучившись семь лет в лагерях Колымы?

Ленинград. В то время граница с Финляндией проходила в 35 км от этого города. А у самой границы находился дом отдыха, в который можно было приобрести путевку на несколько дней, чем и воспользовалась чета Менке. В Москве, улаживая свои дела, они много времени потратили на такую мелочь, как поиски детских сапожек. Поэтому в своих записках Л. Менке много места отводит вопросу промтоварного дефицита даже в самой столице. К тому же ежедневно он обязан был докладывать начальнику спецотдела (сотруднику ГПУ) университета о своих приготовлениях к отъезду в Алма-Ату, сочиняя различные легенды, чтобы скрыть свои истинные намерения к побегу. Для этого он часто появлялся на восточном вокзале, уточнял в кассах стоимость билетов до Алма-Аты и пр. За два дня до окончания, отведенного ему срока, т. е. 1 июня 1934 года, чета Менке вместо Алма-Аты тайно убыла в Ленинград, а оттуда в Сестрорецк, в указанный дом отдыха. Там они присматривались к границе и уточняли различные возможности ее пересечения. Переход границы по суше в этом месте был практически исключен из-за усиленной охраны и мощных проволочных заграждений. Леону Менке показалось, что в купальный сезон при массовом скоплении на пляже людей в выходные дни на финскую сторону удастся переплыть морем. Но для такой переправы необходимо дождаться жарких дней, когда температура воды в море достигнет 19 градусов. Поэтому они вернулись в Ленинград, поселились в доме туриста и участвовали во всех экскурсиях. Особенно их интересовала экскурсия в порт, куда с наступлением лета прибывало много пароходов с иностранными туристами. Леон вспомнил древнюю германскую

традицию, когда вожди племен в трудных ситуациях приглашали на совет женщин, полагаясь на особенности женского ума находить (подсказать) более рациональный выход из трудного положения. Поэтому он попросил жену оценить любую возможность в толпе иностранных туристов попасть на отплывающий пароход. Но этот весьма рискованный вариант побега был тут же исключен. У всех интуристов при посадке на пароход тщательно проверяли паспорта.

Однажды Леон увидел в сумке жены стоптанные туфельки сына, что было небезопасно, так как на это могли обратить внимание при случайной проверке документов. Пришлось немедленно их выкинуть. К тому же он заметил, что жена очень переживает разлуку с сыном, и готова была даже вернуться в Москву, несмотря на грозящий арест и ссылку. Он пытался отвлечь ее внимание подготовкой к переходу финской границы вплавь. Приближались жаркие дни июля, море потеплело. Еще в Москве Менке купил четыре мяча, которые можно было приспособить в качестве примитивных поплавков. Такими поплавками пользовались на пляже многие отдыхающие. В один из воскресных дней они прибыли в означенное место. Пляж был заполнен отдыхающими. Пристегнув поплавки, они медленно отдалялись от берега, сворачивая в западном направлении. И, когда готовились отстегнуть поплавки и быстро плыть к финскому берегу, жена заявила, что она выбилась из сил и плыть дальше не может. Пришлось вернуться на советский берег, где их встретили пограничники. При допросе Менке назвал известное ему в Ленинграде научное учреждение и номер телефона, по которому офицер стал наводить справки. К счастью это был воскресный день и на телефонный звонок никто не отвечал. Так как таких «нарушителей» пограничного режима оказалось больше десятка, то их всех закрыли в отдельную комнату и ближайшим пригородным поездом отправили в Ленинград. – На второй день, пишет Менке, у жены поднялась температура до 39 градусов, но врачи констатировали не простуду, а перегрев на солнце. Через три дня она поправилась, и мы снова погрузились в решение проблемы перехода советско-финской границы.

Длительное пребывание в доме туриста могло вызвать подозрение, и чета Менке перебралась в небольшой частный интернат, владельцем которого оказался украинец, сумевший в период голодомора уехать из Украины и прописаться в Ленинграде. Менке с ним быстро подружился, особенно как начал говорить по-белорусски. Этот украинец оказался доцентом одного из украинских университетов и их разговоры не могли не коснуться истории взаимоотношений России и Украины. Когда Менке однажды стал выражать восхищение архитектурой Ленинграда, памятниками российским самодержцам, в частности, памятниками Петру I и Екатерине II, то от доцента получил следующий ответ: «Я, к сожалению, не могу разделить Ваше восхищение. Мне все эти царские истуканы напоминают печальную судьбу Украины под их игом». Тогда Менке, как бы в свое оправдание, стал цитировать стихотворение Алексея Толстого про Екатерину II:

«*Российскому народу, которому Вы мать,*
Должны Вы дать свободу, должны свободу дать.
Она им отвечала: "Messieur: vous me comblez",
И тотчас прикрепила… украинцев к земле».

(То есть сделала их крепостными рабами).

А нам пора перейти к изложению основной темы. Пока стояла жаркая погода чета Менке, отдохнувши, предприняла еще одну попытку пересечь границу водным путем в том же самом месте. Но сей раз, удача отвернулась от них полностью. Они рассчитывали, что при легком волнении моря вдали от берега они окажутся менее заметными и без поплавков быстро устремятся плыть на финскую сторону. Вот как об этом вспоминает Менке: «Каково же было наше удивление, когда мы заметили, что следом за нами плывет лодка. Жена сразу сообразила и быстро повернула к лодке. Лодочник помог ей подняться в лодку, и они о чем-то громко заговорили. Когда я подплыл к лодке, он на меня зло посмотрел и заявил: «А этот пусть сам плывет к берегу». После того, как мы оделись, он спросил меня, откуда мы прибыли? Я ответил, что мы туристы из Москвы. Тоже

скала ему и жена. Записав наши фамилии, он изрек: «Если бы вы не повернули к лодке, то из пограничной вышки уже готовы были стрелять по вам из пулемета». К счастью, инцидент на этом был закончен, и мы поспешили вернуться в Ленинград. Но мое потрясение этим инцидентом было так велико, что ночью, несмотря на усталость, я долго не мог уснуть. Нам стало ясно, что очередная попытка переплыть границу морем закончится для нас трагически. К тому же, к концу июля на пляже по воскресным дням становилось все меньше людей, а наши фамилии уже были зафиксированы пограничной охраной. И жена в сердцах категорически заявила, что плыть морем на финскую сторону она больше не намерена. Хорошо, что на сей раз, она уже не помышляла о своем возвращении в Москву, хотя я понимал, какую боль нам и особенно ей причинило расставание с сыном. Но Галина (жена) досконально изучила советскую действительность и знала, что ее ждет в случае такого поступка. Она понимала, что органы ГПУ, от которых нам пока удавалось скрываться, в случае ее возвращения, быстро нападут и на мой след и нас обоих уже не пощадят.

На следующий день Менке стал вспоминать, что в парке, примыкающем к границе, на отрезке между Сестрорецком и Белоостровом нет проволочных заграждений, и там, в обеденный час, он не заметил охраны. Возникла мысль в очередное воскресение, изображая влюбленную пару, медленно подойти к этому месту, а затем быстро побежать к финской заставе, до которой оставалось не больше 500 метров. Но во время такой, казалось продуманной «прогулки», когда оставалось несколько метров до означенного старта перед ними, как из-под земли, появился пограничник. Проверив документы (Менке всегда носил с собой партбилет), пограничник сказал, что он не станет вызывать начальство, как положено по уставу, и их отпускает, заметив, что в следующий раз при одной попытке приближения к границе, их непременно арестуют. Но на этом их приключения в тот день не закончились. Поспешая подальше отойти от границы, они подошли к железной дороге, по которой, медленно набирая ско-

рость, двигался пригородный поезд из Сестрорецка на Ленинград. Менке, имея заранее купленные билеты, предложил жене вскочить на ходу на ступеньки вагона, так как следующего поезда придется ждать более часа, но она отказалась. В этот момент к ним подбежал человек в штатском с пистолетом в руках и потребовал документы. Менке предъявил свой партбилет. Незнакомец спрятал пистолет и сказал, что он принял их за перебежчиков из Финляндии.

Читатель может удивиться и задаться вопросом, разве из благополучной Финляндии кто-то вздумает бежать в страну «белого рабства»? Отвечу, что в советских лагерях среди прочих узников были и обманутые пропагандой Коминтерна граждане Финляндии. Об этом весьма подробно пишет бывшая сотрудница Коминтерна и многолетний узник советских концлагерей Айно Куусинен в своей книге-исповеди ***«Господь низвергает своих ангелов»****, которую нельзя читать без содрогания. А разве сам Леон Менке и упомянутые выше Ф. Алехнович и Б. Тарашкевич, а также В. Шарангович, о котором расскажу ниже, такие же, как и он, члены КПЗБ, не стали жертвами указанной пропагандой Коминтерна? Ученые, которые до сих пор продолжают изучать историю большевистского террора, недостаточно уделяют внимания теме «капкана», расставленного органами ГПУ-НКВД, в который угодило немало белорусской молодежи. Но большевистскую ядовитую приманку, оказывается, проглотили и опытные политические деятели Западной Беларуси.*

Наступил август. Постепенно ухудшалась погода. Менке не покидала мысль перейти границу сухопутным путем в каком-нибудь другом месте подальше от Ленинграда. Он сходил в институт картографии и тщательно изучил все отрезки советско-финской границы, особенно северную ее часть, которая представлялась наиболее оптимальной для пересечения. Но средства на проживание и пропитание постепенно таяли. У Менке стали возникать моменты отчаяния. К его удивлению жена оказалась в этой трудной ситуации более практичной и предложила избавляться от многих вещей, которые

в условиях советского дефицита на рынке раскупались мгновенно. Они даже оставили одни часы на двоих. Переходить границу решили в районе Мурманска, но туда добраться денег не хватало. Стоимость билетов на поезд Ленинград-Мурманск превышала все их запасы.

В один из таких дней отчаяния у Менке возникла мысль обратиться на улице к первому прохожему интеллигентного вида с просьбой «одолжить» недостающую сумму денег. Однажды в угнетенном состоянии он брел по городу и встретил такого человека. Им оказался мужчина средних лет. Вот как об этом вспоминает сам Менке: «Я подошел к нему и сказал: «Товарищ, я политический беженец и нахожусь в безвыходном положении. Не могли бы вы одолжить мне хоть небольшую сумму денег»? – А почему я должен вам верить, у вас есть какие-нибудь документы? Ответил этот прохожий. – Тогда я ему сказал: товарищ, если бы я был агентом ГПУ, то представил бы вам любые документы. Эти слова, кажется, возымели действие. Он долго молчал, внимательно всматриваясь в меня. Наконец, ответил: – Одолжить не могу. Вы можете продержаться два дня? – Могу, ответил я. – Тогда через два дня в такое же время вы должны будете прохаживаться по улице (Менке ее не называет), к вам подойдет человек и вручит необходимую сумму денег. Ко мне больше вы не должны приближаться, даже при случайной встрече на улице».

Читатель может себе представить, какую радость испытали Менке и его жена после указанной встречи и получения довольно значительной суммы денег, которых хватило не только на билеты до Мурманска, но и на приобретение одежды и снаряжения под геологов, которых они решили имитировать, приближаясь к самой северной части советско-финской границы. Кто были эти благородные люди, ленинградские интеллигенты, оказавшие материальную помощь политическому беженцу? Можно только догадываться. Менке в своих записках этой темы больше не раскрывает, возможно, по конспиративным соображениям. В то же время он довольно под-

робно освещает различные другие темы своего пребывания в СССР. Шокирующее впечатление производит на читателя описанные им картины голодомора в Украине. Летом 1933 года он по санаторной путевке ездил в Крым. Толпы голодных людей осаждали поезд на всех станциях и, протягивая руки к окнам вагона, просили хлеба, хлеба. Менке уже раздал весь свой хлеб и другие припасы, и сутки ехал голодным. Его сосед по купе, инженер, наблюдая на вокзале в Харькове сцену драки голодных людей за кусочек хлеба, спокойно рассуждал: «Этот опухший мужчина проживет дольше того высохшего». – Тема голодомора находилась под строжайшим запретом, поэтому я ничего не ответил своему соседу, хотя был возмущен тоном его рассуждений, пишет Менке. Далее он продолжает: я видел голодных людей в Польше, но с такой нищетой, как в СССР, и с такой массой умирающих от голода людей в этой стране мы с женой встретились впервые.

Тундра. Итак, в середине августа, пишет Менке, у нас было достаточно денег, чтобы немедленно покинуть Ленинград, в котором нам удалось нелегально прожить два с половиной месяца. К этому времени уже заканчивался срок наших паспортов, и дальнейшее пребывание в этом городе было бы небезопасным. – Прибыв в Мурманск, они несколько дней посещали порт. Но надежда попасть на какое-нибудь иностранное отплывающее торговое судно оказалась несбыточной. Поэтому, представляясь геологами, они благополучно доехали к намеченному месту, примерно в 30 км от финской границы. Напомним, что до 1939 года район Петсамо (теперь Никель) входил в состав Финляндии, и ее северная граница выходила к Баренцеву морю. В этом болотистом месте вблизи моря они решили переходить границу. Но на пути к границе им, помимо болот и трясин, встретилось много небольших речных преград, которые они переходили вброд. Усталые и измокшие в холодной воде 10 сентября (на восьмой день после того, как покинули Мурманск) они подошли к какому-то селению, которое разделяла на две части довольно широкая река. Вдали виднелись бедные хатки, но два более

обширные здания вызывали подозрение. Это могли быть сельсовет и застава ГПУ. Проявляя большую осторожность, в укромном месте они развели костер и подсушили свои одежды. Затем подошли к переправе и позвали лодочника. От него они узнали, что в деревне нет ни сельсовета, ни поста ГПУ, а в двух больших палатках за деревней живут геологи. Жители деревни принадлежат к народности саама (лапландцы). Все они оленеводы, но некоторые содержат и коров.

Во время переправы, пишет Менке, лодочник учинил нам буквально допрос. Он уточнил, с какого места мы идем (пригодились мои картографические познания этих мест) и что ищем в тундре? Получив надлежащий ответ и узнав, что мы ищем железо, лодочник изрек: «хорошо, что железо, а то все ищут какие-то другие металлы. А у меня вот коса поизносилась и не могу купить другой. А лето у нас короткое, травы много, косить будет нечем, а коровам и другим животным на зиму нужно сено». Он же указал нам дом своего знакомого или приятеля, где можно купить молоко и другие продукты. Поблагодарив его, мы подошли к указанному дому, у порога которого стоял его хозяин. Мы поздоровались и сослались на рекомендации лодочника. Он через приоткрытую дверь что-то сказал своей жене, и велел нам немного подождать, пока хозяйка приготовит нам обед. Наша радость была безмерной. Продуктов оставалось только на один день, а до границы надо было пройти с возможными приключениями еще, как минимум 20 км. Затем нас пригласили в дом. В большой комнате стояли две деревянные кровати, длинный стол и скамейки. На стене висели часы-ходики с гирями. Других украшений или картин не было. Хозяйка внимательно нас оглядела и тут же спросила, который час, а то, дескать, ее часы могут показывать неточное время? Хорошо, что я предусмотрительно на своих часах не стал менять московское время. Она для вида что-то поправила в настенных ходиках и пригласила нас к столу, на котором уже стояли кувшин с молоком, миска с рыбой и лежали куски хлеба, сахар и масло. Мы, голодные, сразу принялись за еду, и моя жена стала расхваливать вкусный пресный хлеб, по причине того, что нам в

тундре, дескать, уже надоели сухари. Я тут же предложил купить у нее две буханки хлеба, на что она ответила отказом, мотивируя тем, что на всю деревню только в трех домах имеются печи, в которых по очереди хозяйки могут выпекать хлеб. С кирпичом на севере, дескать, проблема. Но остальных продуктов она может продать сколько нам угодно. Закончив обед, попив чаю и завершив наши покупки, мы стали рассчитываться и благодарить хозяев. К нашему удивлению и за еду, и за купленные продукты хозяйка потребовала всего лишь пять рублей. К названной сумме я добавил еще один рубль, и хозяйка тут же изменила свое решение и согласилась продать нам нужные две буханки хлеба. Эта встреча с оленеводами саами, как показали дальнейшие события, спасла нам жизнь.

Пробираясь среди скал и болот, обходя опасные трясины, мы медленно приближались к границе. С моря дул сильный ветер, но не было дождя. Камни были скользкие и мы не раз падали, но к нашему удивлению и радости не повредили ноги. Берег был изрезан фиордами, которые помогали нам укрываться, но удлиняли наш путь. Обходя один из таких фиордов, через несколько дней нашего путешествия, мы заметили вытоптанную дорожку. Пройдя несколько метров по ней, мы увидели одинокий шалаш. Наблюдая длительное время из укрытия, мы не обнаружили какого-либо людского движения вокруг шалаша, и смело вошли во внутрь. К нашей великой радости, там лежали старые финские газеты за июнь, спичечные и папиросные коробки и банки от консервов. И, хотя в шалаше ничего, пригодного для еды не оказалось, мы не переставали радоваться. Наконец-то была достигнута наша заветная цель. Мы на финской стороне. У моей жены Ганки (Галины) шел уже шестой месяц беременности. Она очень устала и заявила, что дальше двигаться не в состоянии. От наших съестных запасов остались только крохи. В пути мы подкреплялись ягодами. И на сей раз, мы насобирали ягод и решили отдохнуть. В шалаше на нарах мы укрылись нашими походными одеялами, которые в пути спасали нас от ветра и полуголодные спокойно уснули. Проснувшись, я решил идти вдоль

берега и искать людей. По пути повстречался еще один шалаш с такими же следами пребывания в нем людей, но никого из таковых не встретил. На одном из фиордов поднялся по скале повыше, чтобы оглядеть море, но там ничего не увидел. Сильный ветер сорвал с меня шапку, которая улетела вниз и ее унесла набежавшая волна. Уставший и с ссадинами от падения на скользких камнях, вернулся в шалаш и незаметно уснул. Наступило утро следующего дня. Возвращаться назад и вместе с женой голодными повторить тот же путь не имело смысла. Продолжая идти вдоль берега в западном направлении, вдруг увидел небольшой корабль, который огибал фиорд и как бы приближался к берегу. Крича и махая руками, я поднялся на более высокое место, но меня не заметили, и пароход скрылся за очередным фиордом. В состоянии отчаяния вспомнил слова Янки Купалы: «Каждый должен выпить свою чашу жизни, будь то живительная вода или яд». Переправляясь по камням через очередной ручей, поскользнулся, упал и вымок до нитки. Из ботинок вылил воду и отжал носки. Стал идти быстрее, чтобы не замерзнуть на холодном ветру. И вот, наконец, не веря своим глазам, в одном из заливов, спрятавшись за фиордом, стояла рыбацкая шхуна. На шхуне никого не было. Отойдя чуть дальше от залива, увидел два добротных домика. В первом никого не оказалось. Во втором было полно людей, которые лежали и сидели на нарах и на полу. В состоянии эмоционального подъема я почти закричал: «Do you speak English? Sprechen Sie deutsch? Говорите по-русски? I am political emigrant from Russia». В ответ все уставились на меня, и долго молчали. Наконец, один из них произнес: «Yes, I do». Но он знал только несколько бытовых фраз и мы не могли толком объясниться. Видя наши затруднения, второй мужчина вдруг произнес, что знает немного русских слов и совместными усилиями мы, наконец, установили взаимопонимание. Я им сказал, что восточнее этого места в одном из шалашей оставил свою жену, которая сутки ничего не ела. Тут они заметили на мне промокшую одежду, развели огонь и велели раздеться догола. Подали сухое белье, шерстяные носки, верхнюю

одежду и сапоги, а мои мокрые вещи развесили над плитой. Затем предложили чай или кофе? Я предпочел кофе. На столе быстро появился сахар, хлеб и рыба. Я стал жадно проглатывать куски хлеба и рыбы. Наблюдая мой повышенный аппетит, говоривший немного по-английски мужчина, сказал, что сразу много есть опасно и я ограничил свой аппетит. У меня не хватало слов, чтобы выразить им свою благодарность.

Стали обсуждать, как лучше добраться до того шалаша, в котором осталась моя жена. Я достал из своей промокшей одежды карту и указал примерно на то место. Меня одели в ватную куртку, а сверху в кожаную безрукавку, которая в открытом море хорошо защищала от ветра. Я не скрывал своей радости, что скоро увижу свою жену. Рыбак, который немного говорил по-русски, сочувственно с улыбкой поглядывал на меня и укладывал в вещмешок продукты. Затем пояснил словами и жестами, что его родная сестра уже полгода сидит в г. Услоне в советской тюрьме и что финнов там (в СССР) на их родных местах стали преследовать. А тем временем с берега стащили большую лодку и несколько мужчин село за весла. Плыли вдоль берега. Море штормило. Большая волна кидала лодку в разные стороны. Я с великой благодарностью глядел на этих людей, которые в такую непогоду пустились в плавание, чтобы спасти мою жену. Плыли больше часа, пока я не увидел знакомое место и на возвышенности шалаш. Лодка подплыла к берегу, и я первый выскочил из нее и побежал к шалашу. Открыв дверь, увидел, что жена лежит на нарах в той же позе, в которой я ее вчера оставил.

Вместо приветствия раздался мой крик: «Я нашел людей!». – «Nareszcie», произнесла она спокойно по-польски. – Кто тебя так одел? – Финские рыбаки. Они следом за мной вошли в шалаш, и жена приветствовала их улыбкой. Финн, говоривший по-русски, вместо продуктов первым достал из мешка сапоги и вручил жене. Она засмеялась, а следом за ней и все остальные. Он немного смутился, но тоже заулыбался и стал выкладывать на стол все, что пригодно для еды. Ганка с трудом поднялась с нар и немного подкрепи-

лась едой. Мы ее завернули в два одеяла, усадили в лодку и вернулись назад. Ее высадили первой. Шатаясь от слабости, при нашей поддержке она с трудом прошла небольшое расстояние к домику. Там уже все было готово для второго завтрака. На столе, накрытом белой скатертью, стояло кофе и другие «деликатесы». За завтраком меня буквально засыпали вопросами. Уточнили, являюсь ли я членом компартии? Получив утвердительный ответ, все дружно заулыбались. Спросили о моих и жены родственниках, проживающих в Польше. По их вопросам было заметно, что лживая пропаганда Коминтерна докатилась и до их сознания, хотя в гораздо меньшей степени по сравнению с нами, западными белорусами или украинцами. Узнав, что средний заработок рабочего в СССР составляет 200 рублей, а сапоги стоят сто рублей, килограмм сахара 13 рублей, они были удивлены. А говорившие немного по-русски и по-английски мужчины, стали тут же предлагать нам класть в кофе больше сахара, который нас укрепит. В Финляндии он, дескать, очень дешевый.

Не обошлось и без трагических повествований. Рыбаки заявили, что нам очень повезло, так как они в этих местах бывают только раз в две недели. И тут же рассказали, что вчера в одном из шалашей другие рыбаки нашли мертвого человека. Им оказался профессор из Киева, который удачно перешел границу, но умер от истощения и голода. Нас эта трагедия заставила вздрогнуть, т. к. она могла случиться и с нами.

После завтрака Ганка проявила активность, стала убирать со стола и мыть посуду. Мужчины смотрели на нее и улыбались. Меня уложили спать, и я провалился в глубокий сон. В полдень разбудили. На столе уже стоял приготовленный обед из свежей рыбы и картофеля, на десерт белый кофе и ягодное варенье. «Англичанин» сказал, что пора собираться в дорогу. На пароходе нас уже ждут. Он оказался старшим в этой команде. Я предложил ему за оказанную нам огромную помощь взять у нас оставшиеся советские деньги. Он отказался, кратко произнеся: «Nothing». Мы с женой пытались настаивать, но безрезультатно. Я успел записать четыре фамилии наших спасителей: O. Kovero, Kolle Hakkiner, A. Vainiarpaa, F. Ukkola.

Менке пишет, что он никогда раньше не встречал такой человеческой солидарности, какую проявили к ним в трудную минуту финские рыбаки, хотя знал из рассказов других об исключительном гостеприимстве финнов. Но ведь и ленинградские (петербургские) интеллигенты, как мы помним, проявили такую же солидарность, и оказали ему не менее значимую денежную помощь.

На той же лодке, продолжает Менке, рыбаки доставили нас к пароходу, который стоял в заливе за соседним фиордом. Это был тот самый пароход, из которого меня не заметили, когда я кричал и звал на помощь, размахивая руками. Рядом на берегу стояло здание финской погранзаставы. Распрощавшись с рыбаками, мы поднялись на борт, и я спросил у капитана, сколько мы должны заплатить за билеты? Он с серьезным видом ответил: – Nothing. You are arrested. Я улыбнулся, а он с удивлением глядел на меня и повторил еще громче: – You are arrested! В ответ я уже засмеялся от радости быть арестованным в Финляндии. В этот миг в мом сознании мелькнула мысль: Знал бы этот капитан, чем кончается большинство арестов в Советском Союзе, из которого мы с женой всего лишь пару дней тому назад вырвались на свободу? Они кончаются там смертными приговорами. Но я продолжал улыбаться. Капитан тоже улыбнулся и велел отправить нас в каюту. Видимо, ему уже было кое-что известно о наших приключениях от рыбаков, доставивших нас на борт его судна. Вскоре послышался шум мотора, и мы поплыли к новым берегам.

Эпилог. Из Финляндии Менке послал телеграмму родным в Польше: «Спасайте ребенка через Красный Крест». Но из Москвы они получили кощунственный ответ: «Через месяц после побега его родителей, т. е. 5 июля 1934 года, мальчик умер». Менке заканчивает свой рассказ словами: «Кто до конца исследовал все подлости Страны Советов? Возможно, и моему Юрочке в этой стране доведется петь: «*На могилку мою уж никто не придет./ Только раннею весною соловей пропоет».* Так пели, по его словам, в советских поездах бездомные, нищие дети, просящие кусок хлеба.

Того же дня по их прибытии в Петсамо там хоронили указанного выше киевского профессора по фамилии Величко. Как уже отмечалось, этот человек шел по тундре той же дорогой, что и Менке с женой. До последней минуты он не терял сознания, чтобы хотя бы посмертно дать весточку о себе. Все документы с целью лучшей сохранности положил себе под голову. «Слава твоей памяти, неизвестный, но близкий нам по духу товарищ! Ты предпочел смерть жизни в неволе».

Вернувшись в свой родной город Вильно, Менке внимательно следил за дальнейшей судьбой В. Ф. Шаранговича, которого хорошо знал по прежней конспиративной работе. Когда они с женой покидали Москву, Шарангович находился в ссылке в Алма-Ате. Как и предполагал Менке, судьба этого человека оказалась позорно-трагической. Эта тема, более подробно будет нами освещена в следующей главе.

Глава 4.

Агент «Активной разведки». Вернемся к нашей предыдущей теме. *Леон Менке, действительно, хорошо знал своего земляка Василия Фомича Шаранговича, который участвовал в формировании диверсионных отрядов на территории Польши вместе с В. Коржом и К. Орловским. В ходе одной операции его арестовали польские власти и приговорили к смертной казни, которая была заменена 20-летним тюремным заключением. Через 18 месяцев его обменяли и в СССР ему вручили высшую награду – орден Красного Знамени и почетное оружие.*

«Пройдет время, пишет Славомир Антонович, и эта страница его биографии ляжет в основу второго в его жизни приговора к расстрелу» («Ушедшие в бессмертие», 2010). Но советская власть, за которую он боролся, его не пощадила. (Наглядный пример для многих фанатов фальшивой идеи коммунизма). А пока он продвига-

ется вверх по партийной лестнице. С октября 1930 г. – он второй секретарь ЦК КП(б)Б, а через полгода его назначают членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). А затем он становится председателем такой же Комиссии в Казахстане. С марта 1937 г. Василий Шарангович снова на родине, уже в должности первого секретаря ЦК КП(б) Беларуси. Но 29 июля того же года его освободили от этой должности, арестовали как «польского шпиона» и приговорили к расстрелу.

Под видом *«активной разведки»* Советский Союз проводил на территории Польши подрывную деятельность, все еще надеясь поднять вооруженное восстание и свергнуть «буржуазно-помещичье» правительство Польши. Но к 1924 году стало ясно, что ни рабочие, ни крестьяне не собираются восставать. «Активная разведка» не принесла ожидаемых результатов. Диверсионные отряды были разгромлены, и руководство ГПУ СССР решило свернуть их деятельность. Если Василию Коржу, Кириллу Орловскому и др. удалось скрыться от преследования польской полиции на территории СССР, то В. Ф. Шаранговичу, такому же организатору диверсионных отрядов пришлось предстать перед польским судом. За совершенные злодеяния (убийства и диверсии), как уже отмечалось, его приговорили к смертной казни. Но в демократической Польше даже таким преступникам, как Шарангович, сохраняли жизнь, и смертную казнь заменяли на 20-летнее тюремное заключение. Примерное поведение и отказ от прокоммунистической деятельности давали возможность на досрочное освобождение. Мне известны такие примеры, и я их привожу в книге «Записки западного белоруса».

Чтобы спасать своих агентов советские органы ГПУ практиковали аресты католических священников, предназначенных для обмена. Путем такого обмена В. Ф. Шарангович вскоре получил свободу. В СССР его наградили орденом Красного знамени и почетным оружием. Так высоко советы оценили его диверсионную деятельность: убийства польских полицейских и служащих, поджоги и грабежи имений и др. С. Антонович, на которого я ссылаюсь, отмечает, что его партийная карьера была довольно успешной: в 1930 г., как уже отмечалось, Шарангович становится вторым секретарем ЦК КП(б)Б, а затем членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Шел 1934 год. Польские газеты писали, что страна советов превратилась в страну безумцев (Państwo wariatów). Покажем это на примере XVII съезда ВКП(б). В списке делегатов съезда от Беларуси были Голодед, Уборевич, Червяков и Шарангович. Наш герой выступает: «Первое, что мы привезли показать, дорогой наш наставник, – это нашу винтовку «Снайпер»…». – Последовали бурные аплодисменты, крики «ура!». Сталин взял винтовку на прицел. В зале – овация.

«Весь съезд, пишет Антонович, прошел в восхвалении «заслуг и предвидящей мудрости руководителя партии и народа, покаяния перед ним тех, кто в свое время в чем-то ему возражал (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский). Сталину это все понравилось, и он не скрывал этого. *«Товарищи! – сказал он в своем заключительном слове, прения на съезде выявили полное единство взглядов наших партийных руководителей, можно сказать, по всем вопросам партийной политики. Возражений против отчетного доклада, как вы знаете, не было никаких. Выявлено, значит, необычное идейно-политическое и организационное* ***единство*** *рядов нашей партии. (Аплодисменты). Поэтому я спрашиваю, есть ли после этого необходимость в заключительном слове? Я думаю, что такой необходимости нет. Разрешите мне отказаться от заключительного*

слова». Бурные овации, весь съезд встает, громовое «ура»; коллективные выкрики: «Пусть живет Сталин!». Съезд стоя поет «Интернационал». После исполнения гимна овации возобновляются. Крики «Ура!», «Пусть живет Сталин!», «Пусть живет ЦК!».

Как вам, уважаемый читатель, нравится (или по душе) этот шабаш безумцев? И заметьте, даже такие закаленные в политической борьбе марксисты, как Бухарин, Каменев, Рыков и другие поддались общему порыву ликования и не возразили против порочной экономической политики Сталина. Какой же это «съезд победителей», если в стране в те годы свирепствовал страшный голодомор?

Не принесло каких-либо выгод Советскому Союзу указанное политическое *единство.* Кремлевские вожди, исповедующие диалектический материализм, забыли про основной закон диалектики, сформулированный Гегелем: «Только противоречия – путь к истине, а единство взглядов – путь к заблуждению». А ведь на этот закон ссылается и Энгельс и Ленин. Вот, почему однопартийная система, начало которой заложил еще Ленин, это изначально всегда путь к заблуждению. И добавим – и к диктатуре, и к террору.

Недолго оставалось нашему герою Шаранговичу наслаждаться властью и свободой. В марте 1937 г. он становится первым секретарем ЦК КП(б)Б. Приведем некоторые данные С. Антоновича в сокращенном варианте. К обеду в кабинете В. Шаранговича раздался резкий звонок. Он посмотрел на красный телефон с гербом и почему-то вздрогнул. Звонок был из Москвы. Василий Фомич с волнением взял трубку. На проводе был секретарь приемной вождя Поскрёбышев. – Здравствуйте, Василий Фомич. Вас вызывает завтра к себе Сталин, – коротко сказал тот, и связь оборвалась. По тому, как к нему обратились по имени и отчеству, Шарангович несколько успокоился. В «других» же случаях его бы просто вызвали в столицу. Вечерним поездом он выехал в Москву… Ближе к обеду Шарангович из приемной Поскрёбышева вошел в кремлевский кабинет вождя. К его удивлению, там уже присутствовали Молотов, Ворошилов,

другие члены Политбюро. Его поразил длинный стол, метров тридцать, на полу большущий ковер. Окна были завешены тяжелыми белыми гардинами. За столом председательствовал Маленков. Обсуждались будущие перемены в белорусском руководстве, в частности, судьба Голодеда и Червякова. По каждому приняли отдельное решение. Так бесцеремонно кремлевские вожди решали судьбу Беларуси.

Впереди был XVI съезд КП(б)Б. Предчувствуя напряженную обстановку на съезде, В. Шарангович попросил Сталина, чтобы тот его принял отдельно. Они беседовали тогда где-то с полчаса, не больше. Под конец разговора Сталин спросил: – Польский язык, шляхетский, хорошо знаете?

– Для иностранцев в чужом языке нет предела совершенствования, – последовал ответ вождю.

– Почаще ходите в костел!

– Куда?! – удивленно переспросил Шарангович.

– Я же не призываю вас там молиться, – улыбнулся Сталин, – но имейте в виду: ксендзы и все прочие проповедники четко и грамотно произносят свои молитвенные речи. Польские коммунисты ходили в костелы, чтобы хорошо освоить язык. В конце беседы Шарангович попросил Сталина прислать в Минск представителя ЦК ВКП(б). – Никого посылать не будем. Мы вам доверили республику, неужели же не доверим проведение съезда? Справитесь сами.

10 июня 1937 г. в 6 часов вечера открылся в Минске XVI съезд КП(б)Б. В президиум избрали Шаранговича, Волковича, Бермана, Червякова. Всего – 23 человека. Голодеда среди них не было. Обстановка на съезде была напряженной гнетущей. Со вступительным словом выступил В. Шарангович: «*Мы должны уничтожить до конца остатки японо-немецких и польских шпионов и диверсантов, остатки троцкистско-бухаринской и националистической падлы, раздавить и стереть в порошок, как бы они ни маскировались, в ка-*

кую бы щель они ни прятались. ***Смерть этим гадам и предателям нашей родины!..»*** Ах, Василий Фомич, старый и опытный подпольщик! Какую неразумную речь ты держишь перед делегатами съезда?! Где твое былое мужество? Почему ты так струсил и стараешься выслужиться перед кремлевским палачом? Ведь тебе уже известны полные гражданского мужества слова Осипа Мандельштама:

«Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полраговорца,
Там припомнят кремлевского горца».

Да, к тому же, непростительно именовать лучших сынов и дочерей Беларуси – репрессированных писателей, поэтов, учителей и других деятелей белорусской культуры «националистической *падлой».* Мог бы подбирать для своей речи другие выражения. А тем временем машина террора набирала обороты. 11 июня 37-го в «Правде» и других газетах было опубликовано сообщение Прокуратуры СССР: «Дело арестованных органами НКВД в разное время Тухачевского, Якира, Уборевича, Корха, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путно расследованием закончено и передано в суд. Арестованные обвиняются в нарушении воинской обязанности (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене РККА…». Вот эта маниакальная подозрительность вождя по отношению к своим генералам и маршалам привела к тому, что потом он полностью утратил здравомыслие при оценке грядущей опасности со стороны Германии.

Во второй половине рабочего дня съезда под бурные аплодисменты делегатов Василий Шарангович внес предложение: «*Потребовать применения высшей меры наказания предателям». За резолюцию о предании суду предателей родины, трижды проклятых, ненавистных шпионов, фашистских разведчиков (клевета на Тухачевского) и применения к ним ВМН съезд проголосовал единодушно.* Делегаты разъехались проводить «линию партии» на митин-

гах на предприятиях, в колхозах, в казармах.

Шарангович с лихвой оправдал «доверие» к нему Сталина. А мог и застрелить «кремлевского горца», оставаясь с ним tete-a-tete в кабинете. Повод был, все его товарищи по партии – польские коммунисты уже были репрессированы. Разговор Сталина о «польском шляхетском языке» его не насторожил, а наоборот, успокоил и ввел в заблуждение. А иначе, он мог бы, как опытный подпольщик, тайно покинуть Минск, без особого труда перейти советско-польскую границу и с покаянием, как «блудный сын», вернуться в свою родную деревню Коганы. Со своей гражданской женой – А. С. Генфер он не был расписан. Возможно, и ей не пришлось бы 15 лет провести в лагерях. Я абсолютно уверен, что с территории Польши он мог бы наносить болезненные удары по кремлевскому палачу и его режиму. Но все эти «закаленные и смелые» подпольщики, герои гражданской войны и другие идейные коммунисты почему-то как загипнотизированные кролики добровольно прыгали в пасть удава. Через 4 месяца после XVI съезда КП(б)Б Шаранговича лишают всех регалий и арестовывают, как «польского шпиона» (и как «знатока польского шляхетского языка»). С. Антонович подробно описал эти печальные (и страшные) судебные процессы-спектакли сталинской режиссуры. Я ограничусь только некоторыми стенограммами этих процессов с участием Шаранговича, уже как подсудимого. Вот одна из них:

«**Вышинский.** Подсудимый Шарангович, вы подтверждаете ваши показания, которые дали на предварительном следствии?

Шарангович. Полностью подтверждаю. Позвольте мне все рассказать последовательно. Предателем родины я стал в августе 1921 г. и был им до ареста.

Вышинский. Подсудимый Бухарин, вы признаете себя в шпионаже?

Бухарин. Я не признаю.

Вышинский. У вас имелась группа ваших соучастников, заговорщиков из Беларуси, возглавляемая Голодедом, Червяковым, Ша-

ранговичем? Правильно, Шарангович?

Шарангович. Правильно.

Вышинский. И по директиве Бухарина и Рыкова, под их руководством вы связались с польской разведкой и польским генштабом? Правильно, Шарангович?

Шарангович. Совсем правильно.

Вышинский. Значит, кто был организатором шпионажа, которым вы занимались?

Шарангович. Рыков, Бухарин.

Вышинский. Значит, они были шпионами, также как…

Шарангович. …Как и я сам».

Вот вам и «герой» партизанской борьбы против поляков и своих же белорусов, служивших в польской полиции или в других ее учреждениях. Сколько жизней он загубил! А Бухарин? Этот «любимец партии». Еще во время первого московского процесса обвинение коснулось его имени. В сентябре 1936 г. «Правда» сообщила, что в связи с отсутствием юридических данных, следствие прекращено. Однако дело против Бухарина вскоре возобновили. Чтобы принять находившегося в Москве Лиона Фейхтвангера и показать, что он (Бухарин) на свободе, его попросили прийти в редакцию «Известий». Фейхтвангер так и написал в своих репортажах. Ранее я писал, что в эти угрожаемые его жизни дни он все еще ходил на заседания бюро ЦК со своим личным оружием (воспоминания его жены – Лариной). Почему он не убил тирана? И Орджоникидзе. Он в личной беседе упрекнул Сталина за преследование Бухарина и Рыкова. На второй день сам застрелился, а Сталина не тронул. Почему?

Приведу еще одну показательную стенограмму московского процесса.

Бухарин. Гражданин прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которо-

го я даже не слышал до обвинительного заключения. Мне предъявляется контекст показаний Шаранговича, из которых выходит, что я почти что не вырабатывал вредительский план…

Шарангович. Бросьте врать хоть один раз в жизни. Врете вы и сейчас, на суде.

Председательствующий. Подсудимый Шарангович, не мешайте.

Шарангович. Я не мог выдержать.

Указанный автор задается вопросом: «На что надеялся Шарангович, выступая на суде как «подсадная утка» НКВД, плетя напраслину на своих товарищей, свидетельствуя об их шпионской деятельности, возведя небылицу»? Но продолжим эту стенограмму.

Вышинский. Подытожим кратко, в чем вы себя в целом признаете виновным по этому делу?

Шарангович. Во-первых, что я предатель Родины.

Вышинский. Старый польский шпион.

Шарангович. Во-вторых, я заговорщик. В-третьих, я непосредственно проводил вредительство.

Вышинский. Нет. В-третьих, вы непосредственно один из главных руководителей национал-фашистской группы в Беларуси и один из активных участников правотроцкистского антисоветского блока.

Шарангович. Правильно. Потом я лично проводил вредительство.

Председательствующий Ульрих. Организатор террористических актов против руководителей партии и правительства?

Шарангович. Верно.

Ульрих. Все это я делал в целях…

Шарангович. И все это я делал в целях свержения советской власти, в целях победы фашизма, в целях поражения Советского Союза в войне с фашистскими государствами.

Ульрих. Идея на расчленение СССР, отделение БССР, преобра-

зование ее…

Шарангович. Преобразование ее в капиталистическое государство под ярмом польских помещиков и капиталистов.

Ульрих. У меня нет больше вопросов.

В своем последнем слове Шарангович сказал: «*Граждане судьи! Я не собираюсь защищать себя. Я совершил мерзостные, подлые, тяжкие преступления перед страной и народом. И хорошо понимаю, что вынужден нести полную ответственность за них перед пролетарским судом. Я изменил своей Родине и как предатель не заслуживаю никакой пощады…*». Чем объяснить такое странное поведение? Ведь в те годы еще не было специальных психотропных средств. Почему он и другие подсудимые не заявляли на открытых процессах свою невиновность, зная, что их ждет расстрел? Неужели они, как об этом я писал ранее, поддавались уговорам следователей, что «так нужно для партии».

Весь этот спектакль юридического абсурда кажется невероятным. Но ведь не только простые рабочие и полунищие колхозники требовали наказания «польских шпионов». «Содействием всему миру, всему прогрессивному человечеству будет уничтожение бухариных, рыковых, ягод, шаранговичей», – заявил на митинге в Витебском пединституте один из преподавателей. Ему долго аплодировали. Вот, до какого уровня духовной деградации и дикого произвола низвела великую Россию партия большевиков.

В заключение этой главы приведем те же записки С. Антоновича: «Соня Червякова жила в одном доме с Валей Голодед. В один из дней зашла к своей подруге, как раз по радио началась трансляция процесса по «правотроцкистскому блоку». На допросе показания давал Шарангович. Он говорил о подпольном антисоветском центре заговорщиков, который возглавляли «шпионы и национал-фашисты» Николай Голодед и Александр Червяков, об их подрывной, враждебной работе, диверсиях. Обнявшись, дочери ушедших полгода назад на тот свет отцов плакали навзрыд, до

истерики…

– Да, я понимаю, его заставили. Может, мучили. Но тех слов не простим ему, покуда будем жить. Не сможем. Никогда, – признались Соня и Валя…». И еще. Идя по улице Шаранговича в Минске невольно подумаешь, за какие такие «подвиги» решили увековечить бесславную жертву сталинского террора? И такое же удивление, если не большее, вызывает название самой красивой площади Минска именем Ленина, который разрушил великую Россию и причинил ее народам столько страданий.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Данилов Иван Петрович

ФАНАТЫ ФАЛЬШИВОЙ ИДЕИ

Подписано в печать 12.01.2021. Формат 60 x 84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,00. Уч. изд. л. 2,76.
Тираж 50 экз.